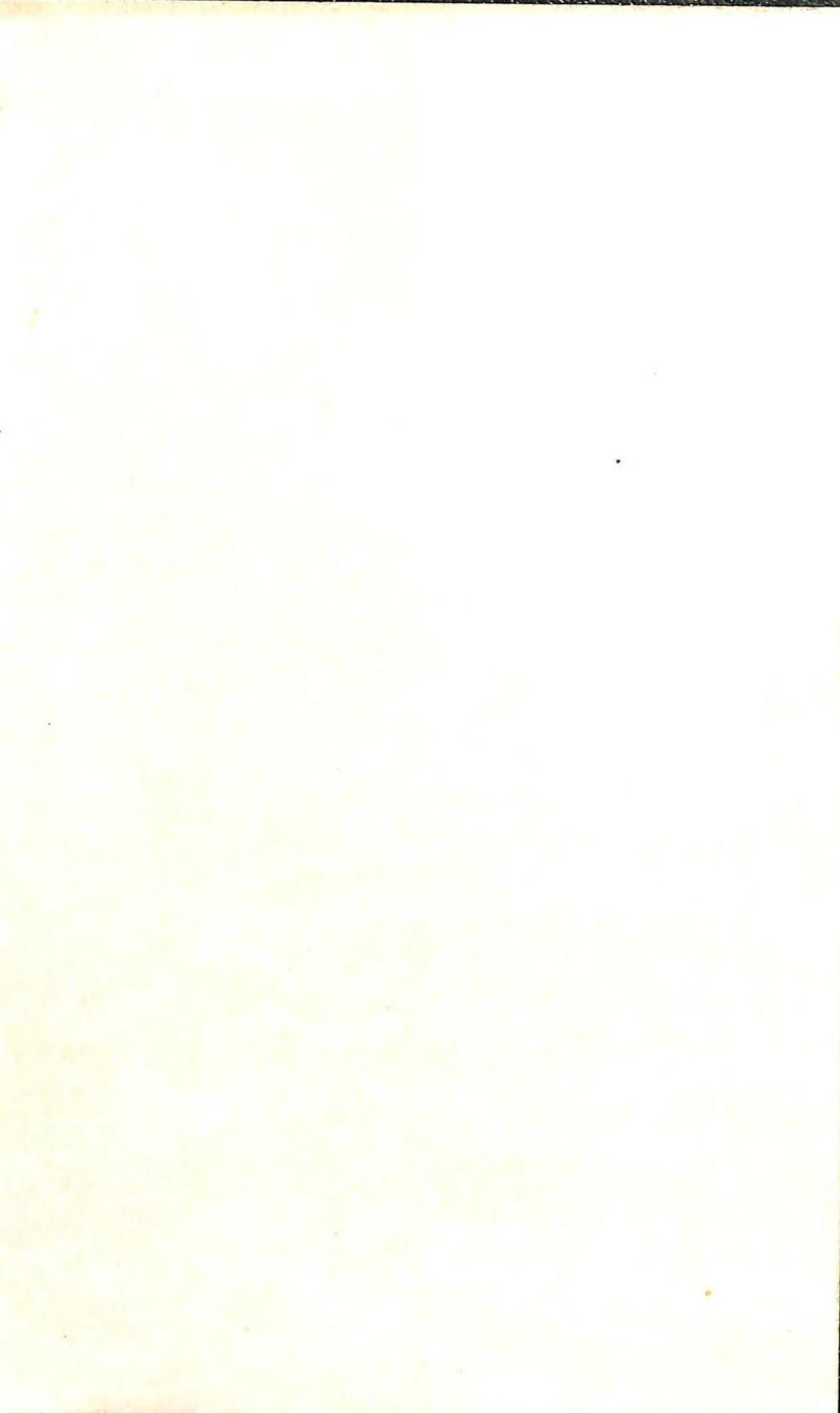

26.8

P-89

Русский
вестник. Голд-
ка по китай-
ской графине.

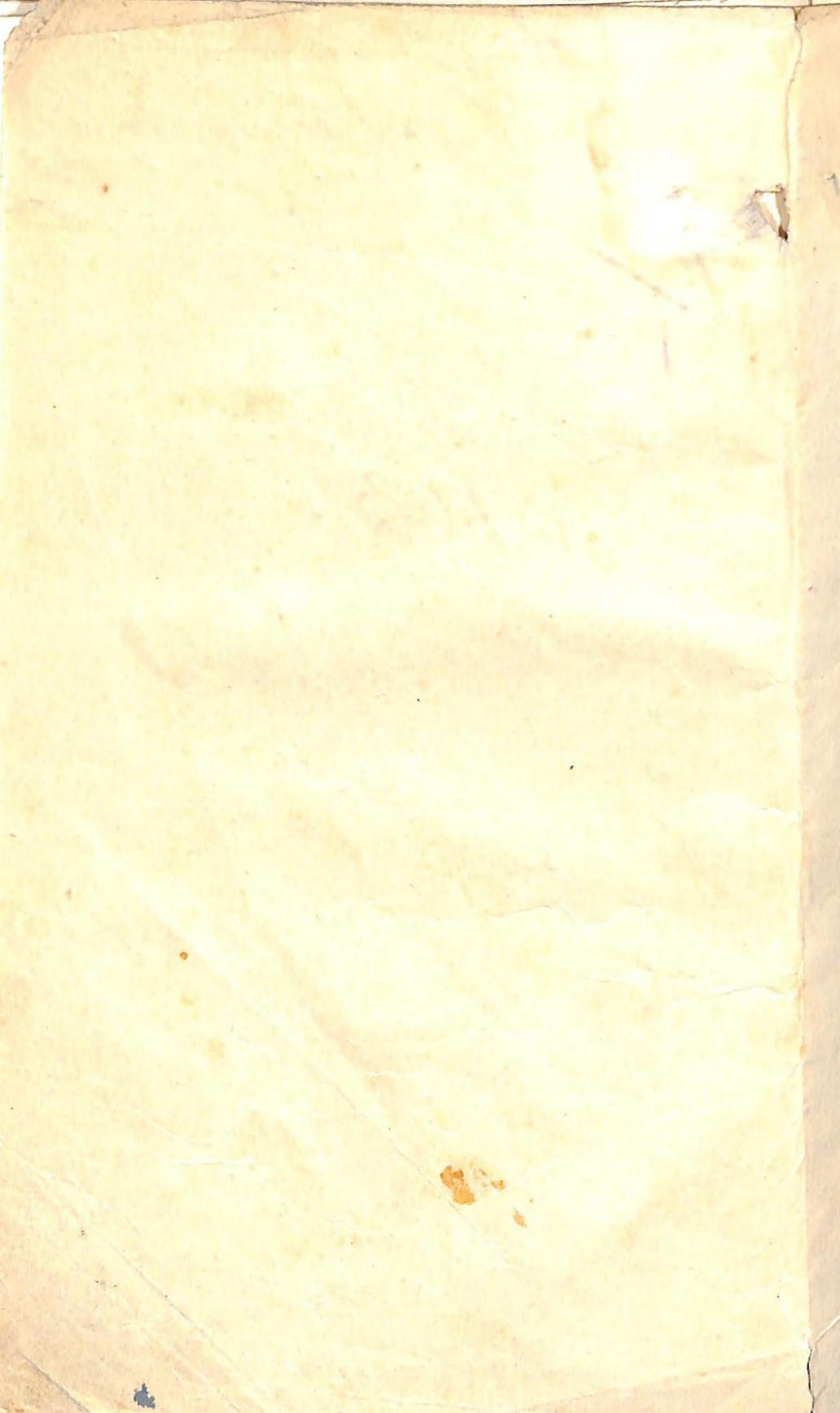

ГОМ 8218
221

Гост. Полно, господинъ Потачкинъ.

Пот. Не много осталось....

2й ликъ:

Вездѣ много
Неубого.

1й ликъ:

Древеса высоки
Грядутъ векоки.

Мавра. Чтò за вранье!

Пот. Стихи весьма гладки.

2й ликъ:

Зѣло весели
Вси зашумѣли.

(Гост. уходитъ.)

1й ликъ:

Предовольни
Утѣхъ полни!
Непремѣнни
Вождѣленни!

(Мавра уходитъ.)

2й ликъ:

Да внушаютъ
И увеселяютъ.

Оба лика.

Гряди убо
То сугубо!
Гряди здрава,
Наша Пава!

Тѣмъ, сударыня, кончится первое дѣйствіе. Ба! да всѣ ушли!.... Вотъ какова участь нашего брата стихотворца. Ты сочиняя потѣшь, а тебя и слушать не хотятъ!

П. ШЕБАЛЬСКІЙ.

91
91-45

ПОЪЗДКА
ПО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ
ОТЪ АЛТАЯ ДО ТАРБАГАТАЯ

1872.

I.

Въ августѣ прошлаго 1870 года моему мужу предстояло объѣхать китайскую границу, а такъ какъ по маршруту приходилось быть въ долину Верхней Бухтармы, въ четырехъ переходахъ отъ Бѣлухи, нашего алтайскаго Монблана, то рѣшено было пройти на ея ледники, и осмотрѣть по дорогѣ Рахмановскіе сѣрные ключи.

Предстоявшее путешествіе было до того интересно что мужъ рѣшился взять съ собою меня и десятилѣтняго сына. Съ нами поѣхали еще: переводчикъ Османъ, нѣкто М. и пристроившійся къ нашему обществу, путешествія и охоты ради, замѣчательный стрѣлокъ, ѣздокъ и охотникъ Ж—въ изъ прислуги только поварь. Эти господа отправились изъ Семипалатинска тремя днями ранѣ насъ, съ обозомъ провизій и подарочныхъ вещей, нашихъ сѣделъ и упряжи; такъ какъ въ степи если нѣтъ своей упряжи, то лошадей запрягутъ перво бытнымъ способомъ, привязывая къ экипажу за хвосты.

Перевѣздъ отъ Семипалатинска до Устькаменогорска не представляя ничего замѣчательнаго: Иртышъ и степь; правда и наша, песчаная и печальная Семипалатинская, а зеленая и покрытая цвѣтами. Отъ Убы мѣстность дѣлается болѣе

1872-432.

болѣе гористою и вдаль за Иртышомъ показываются три остроконечныя вершины Аиръ-Тау, по-русски, монастырей.

Устькаменогорскъ хорошенькій городокъ, съ широкими, поросшими травой улицами и маленькими, по большей части не обшитыми тесомъ, домиками,—въ Петербургѣ сказали бы домишками. Смотритъ онъ уютно и весело, и несравненно болѣе русскій городъ чѣмъ песочница Семипалатинскъ. Даже въ отношеніи зданій Устькаменогорскъ далеко превзошелъ убогую столицу нашихъ мѣстъ, наминающую своими улицами съ покосившимися на бокъ домиками, безъ крышь и съ залѣпленными бумагой, точно бѣльмомъ, окнами, ряды оборванныхъ и общипанныхъ калѣкъ, стоящихъ въ двѣ шеренги на папертяхъ.

3го августа мы выѣхали изъ Устькаменогорска большимъ обществомъ, поѣхавшимъ насъ провожать. Дорога до перевоза чрезъ Ульбу отличная, и мы катили въ трехъ тарантасахъ такъ что именно только пыль столбомъ. Съ переправы, верстахъ въ пятнадцать не доѣзжая Ульбинска, дорога дѣлается гористою и удивительно живописна; растительность необыкновенно роскошна и разнообразна. Ѣдешь точно паркомъ. Самыя Ульбинскъ лежитъ въ глубокой долинѣ по берегу рѣчки Ульбы, на ровной и неплодной площадкѣ среди горъ. Хозяйки пріѣзжаютъ сюда варить варенье и дѣлать наливки, такъ какъ здѣсь много ягодъ (смородина, малина и клубника), больные пить кумысъ и спастись отъ лихорадокъ и грудныхъ болѣзней, которыми Семипалатинскъ преизобилуетъ.

Просидѣвъ часа четыре въ Ульбинскѣ у Омскихъ знакомыхъ, которые тутъ дѣчатся, мы отправились далѣе верхомъ по ущелью Проходному до ластѣки Ш.; проѣхать эти десять верстъ верхомъ наслажденье, а въ экипажѣ можно развѣ въ видѣ искупленія очень тяжкихъ грѣховъ.

Мы выѣхали кавалькадой въ двѣнадцать лошадей. Ущелье дивно хорошо; узкая дорога извиается между скалистыми горами, мѣстами поросшими травой, мѣстами цѣлымъ лѣсомъ ели и лихты. Вдоль дороги бѣжитъ ручей, мѣстахъ въ двадцати перебѣгая дорогу; по сторонамъ его густо заросла черемуха, жимолость, акація, шиповникъ, рябина и смородина.

Скоро солнце зашло за горы, потянуло сыростью, стало свѣжо; мы, бѣдные Семипалатинцы, привыкшіе, — нѣтъ, привыкнуть нельзя, — а принужденные дышать лѣскомъ и пылью, сухимъ воздухомъ, прокаленнымъ сорокаградуснымъ зноемъ,

Июль. №. 1228

7902

25/10

1937

2756

1228 - 1937

съ восторгомъ вдыхали этотъ влажный, ароматный воздухъ—точно камень сняли съ груди.

Сквозь легкій туманъ ущелье казалось еще прелестнѣе; отблески сѣвшаго за горы солнца золотили небо и вершины скалъ, сквозя сквозь густую зелень лихтѣ и елей, стоящихъ щетиной на гребнѣ горы. Особенно хорошъ видъ на седьмой верстѣ отъ Ульбинска: дорога дѣлаетъ крутой поворотъ, ущелье суживается болѣе и болѣе, и будто замыкается высокою стѣной, покрытою темнымъ лѣсомъ; изъ лѣса вырѣзается громадная, голая, сѣдая скала; у подножія ея, сердито крутясь между камнями, сверкая сквозь ели, бѣжитъ и падаетъ каскадомъ ручей; на противоположной сторонѣ высоко громоздятся красноватая скалы самыми причудливыми, фантастичными формами.

Полюбовавшись этою прелестною картиной, мы, дойдя до ровнаго мѣста, пустили лошадей вскачь, и скоро доскакали до пасѣки, уютно пріотившейся въ боковой зеленой долинкѣ. Центръ ея составляла хорошенькая восьмиугольная бесѣдка. Сойдя съ лошадей, мы усѣлись около самовара приготовленнаго подъ навѣсомъ деревьевъ; было такъ темно что зажгли свѣчи. Разговоръ шель живо и весело, незамѣтно прошло часа два. Наконецъ я пошла укладывать моего Костю въ бесѣдку, гдѣ поставили наши постели. На средней стѣнѣ бесѣдки прибита мѣдная доска съ надписью что Великій Князь Владиміръ Александровичъ тутъ завтракалъ, 19го іюня 1868 года.

По стѣнамъ и по полу такъ и бѣгали двухвостки (родъ сорконожекъ), кусающіяся пребольно. Я совсѣмъ было сокрушилась духомъ. Но несмотря на горестное убѣжденіе что изъ-за этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ я всю ночь глазъ не сомкну, минутъ черезъ десять уснула сномъ праведнымъ.

На другое утро мы простились съ нашими устькаменогорскими спутниками и поѣхали въ тарантасахъ. Послѣ довольно большаго и крутаго спуска, дорога пошла въ гору; съ правой стороны, верстахъ въ шести за горами, показался Иртышъ и отлогіе холмы зауртышскихъ горъ, слѣва раскинулся Алтай. На всемъ видимомъ пространствѣ высились горныя волны. Впереди на широкой долинѣ видна Феблестовка, большая станица русскихъ переселенцевъ. Впереди ея замѣтны еще остатки четырехугольнаго землянаго вала, служившаго въ

былое время защитой отъ нападений Киргизовъ. Почва черноземъ, кругомъ хорошія лашни и богатые сѣнокосы. Мѣстами цѣлыми десятинами алѣютъ полевые левкои; вездѣ кусты мальвы и царскихъ кудрей, но большею частью травы крупныя и грубыя. Жаръ стоялъ невыносимый. Доѣхавъ до станицы Сѣверной, мы переодѣлись и снова сѣли на коней. Проѣхавъ верстѣ двѣнадцать, взбрались на сѣдѣлку, высшую точку хребта между Устькаменогорскомъ и Бухтармой, и пошли ущельемъ Вихтовкой. Отъ сѣдѣлки спускъ, правда очень отлогій, идетъ семь верстѣ. Ущелье схоже съ Проходнымъ, только горы больше и виды диче и грандіознѣе.

По всей дорогѣ торчатъ *Чортовы зубья*, какъ зовутъ казаки вертикально стоящіе сланцы, и бѣгутъ ручьи; въ одномъ мѣстѣ, на порядочное разстояніе, дорога идетъ по каменному руслу ручья. Толчки такіе что мертвого разбудятъ. По сторонамъ дороги много смородины и малины; казаки ломали цѣлые вѣники ихъ. Выѣхавъ изъ ущелья, мы свернули на довольно широкую долину и, проѣхавъ версты три, остановились въ Александровскомъ, тоже станицѣ русскихъ переселенцевъ. Станица большая, постройка очень хорошая, и поразительно много красивыхъ женщинъ, чего вообще нельзя сказать про женщинъ нашей области, гдѣ примѣсь киргизскаго типа сильно сказывается. Въ избѣ гдѣ мы остановились обѣ дочки хозяйки были красавицы.

Отсюда мы отправились въ тарантасахъ въ Бухтарму, и часамъ къ тремъ были тамъ. Усть-Бухтарминская станица и бывшая крѣпость—кучка убогихъ домиковъ, въ родѣ семилатинскихъ, сбитыхъ вмѣстѣ; посрединѣ, на кривой, заросшей травой площади, небольшая деревянная церковь.

Изъ населенія мы встрѣтили нѣсколько ребятшекъ, нѣсколько пасущихся животныхъ и широкую фигуру командующаго (выселковаго атамана), стремящагося изо всѣхъ силъ по улицѣ, очевидно отъ нашего тарантаса. Наконецъ мы подкатили къ бревенчатому домику, стоящему на берегу Бухтармы. Залыхавшійся командующій стоялъ уже тутъ.

Отдохнувъ, мы пошли осматривать Бухтарминскую крѣпость, ровъ, мосты, валы, зданія внутри валовъ. Крѣпость какъ слѣдуетъ быть, не то что наша, отъ которой остались только одни каменные ворота среди чиста поля. Мужъ восхищался положеніемъ крѣпости, я же, не понимая чѣмъ

она его такъ восхитила, видѣла только что одной стороной она подходитъ къ высокому, скалистому и обрывистому берегу Бухтармы, съ другой окружена валомъ и рвомъ; за ними долина, замыкающаяся горами Толстухой, Толстухенкомъ и т. д.

На берегу намъ показали богатырскій слѣдъ,—ясно отпечатанный на скалѣ слѣдъ человѣческой ноги, но вовсе не богатырской, а самой обыкновенной.

Легенда гласитъ что во время оно, когда въ этихъ мѣстахъ обитали богатыри, пришли Русскіе и стали воевать съ богатырями. Разъ какъ-то они погнались за однимъ изъ богатырей; тотъ доскакалъ до скалы и, видя что далѣе скакать нельзя, перепрыгнулъ черезъ Бухтарму, и вотъ слѣдъ его ноги и отпечатался, когда, приготовляясь къ скачку, онъ оперся ногой на скалу. Должно-быть сильно оперся. Истина же устами солдатака изрекла: „это, когда тутъ арестанты содержались, они баловали.“ И дѣйствительно, тутъ же около богатырскаго слѣда выбиты на скалѣ птичьи слѣды, подковы и двѣ латинскія буквы. Но разочаровавъ насъ въ подвигъ древняго богатыря, онъ утѣшилъ разказомъ о развлеченіи придуманномъ здѣсь же однимъ современнымъ богатыремъ. Подведя насъ къ краю скалы, которая стоитъ надъ Бухтармой отвѣсною стѣной саженъ въ 12, онъ указалъ на небольшой выступъ, не болѣе квадратнаго аршина, выходящій въ видѣ балкона на половинѣ высоты скалы, и разказалъ какъ одинъ солдатикъ, цѣпляясь кое-какъ, сползаль на этотъ выступъ, раздѣвался, складывалъ свое платье и бросался въ Бухтарму. „Такъ и пропадетъ! и эво куда его вынесетъ!“ Потомъ еще показали намъ сдѣланную въ углубленіи скалы, надъ рѣвкой, довольно большую надпись красною краской, прочитать или даже разобратъ какими она написана буквами невозможно; чтобъ издали взглянуть на надпись, приходится лѣзть на край скалы надъ водой, а сдѣлать надпись иначе нельзя было, какъ спустивъ пишущаго на веревкѣ, какъ это дѣлаютъ у насъ когда красятъ дома.

Кончивъ осмотръ крѣпости, мы отправились обратно. Жаръ все еще стоялъ невыносимый. Выкупавшись и пообедавъ, мы пошли на паромъ, распрощались съ нашими хозяевами и переправились на лѣвый берегъ Бухтармы. Тамъ намъ встрѣтилась цѣлая толпа хохловъ и хохлушекъ, возвращавшихся съ недавно разведенныхъ ими баштановъ. Хохлы эти, въ чи-

слѣ многихъ тысячъ переселенцевъ, шли нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Амуръ, но выбившись изъ силъ и растративъ все скудное достояніе на четырехтысячномъ пути, осѣли здѣсь, вполне сохранивъ свой характеръ. Гдѣ хохоль, тамъ баштанъ, волю и чумачество. И здѣсь хохлы стали извозничать: перевозятъ руду изъ Змѣиногорскаго рудника на пристань, берутся доставлять грузы въ Вѣрное, даже въ передовые отряды. Все на родныхъ волахъ. Мы купили у нихъ арбузовъ и дынь, сѣли въ тарантасы и покатили, или вѣрнѣе понеслись, такъ какъ въ нашъ легонькій экипажъ запрягли пятерыхъ отличныхъ коней. Весь низменный полуостровъ между Бухтармой и Иртышемъ, сливающимися верстахъ въ двухъ ниже, по которому мы ѣхали, весной заливадается водой, и несмотря на то что мѣстами онъ поросъ высокимъ тальникомъ, въ большую воду черезъ него переправляются на лодкахъ. До впаденія Бухтармы, Иртышъ называется тихимъ, хотя этотъ тихій несравненно быстрѣе нашей Невы, ниже его называютъ быстрымъ Иртышемъ. Быстрина дѣйствительно замѣчательная; карбазъ съ грузомъ руды пробѣгаетъ по теченію сто тридцать верстъ въ двѣнадцать часовъ; этою весной мы спускались на карбазѣ; красивъ, но чрезвычайно суровъ видъ береговъ быстрого Иртыша. Огромныя, голыя скалы тѣснятъ его съ обѣихъ сторонъ. Тутъ есть одно не безопасное мѣсто называемое *Семь братьевъ*, то-есть семь скалъ, выдвинувшихся въ Иртышъ; теченіемъ такъ и прибываетъ, такъ и тянетъ на нихъ; и надо опытнаго рулевого и хорошихъ гребцовъ чтобы миновать ихъ благополучно. Если поладешь на перваго брата, говорятъ гребцы, побываешь и на всѣхъ семи. Сомнѣнія нѣтъ что послѣ визита седьмому брату отъ карбаза останутся однѣ щепы. На заливныхъ лугахъ мыса, между Бухтармой и тихимъ Иртышемъ, переселенцы-хохлы развели въ этомъ году громадныя баштаны, обсаженныя кругомъ подсолнечниками. Нашъ ямщикъ не могъ нахвалиться и нарадоваться на это нововведеніе. До прибытія хохловъ, у нихъ, на такой благодатной почвѣ, не было ни арбузовъ, ни дынь. Нѣкоторые пробовали сажать въ огородахъ, но, отъ неумѣнья огородниковъ, или вовсе не родились эти овощи, или выходили очень плохіе. Этотъ же годъ продавали по рублю квадратную сажень арбузовъ на бакчѣ.

Пока мужъ съ ямщикомъ любовались на бакчи, я замѣтила что корневикъ нашъ сильно горячится. При спускѣ съ го-

ры, вмѣсто того чтобы, какъ слѣдуетъ степенному и благо-воспитанному коню, упираться и шагомъ на себѣ спускаться экипажъ, онъ заился, рвался, наконецъ понесъ, налетѣлъ на уносныхъ лошадей; тѣ бросились по косоугору, въ сторону. Нѣсколько секундъ мы летѣли съ быстротой неописанною. Наконецъ тарантасъ перевернулся, и мы и наши вещи высыпались какъ горохъ. Помню только что я перелетѣла черезъ кого-то, и очутилась на порядочной дистанціи отъ тарантаса, на колѣняхъ и тутъ же, съ полета, произвольно совершила земной поклонъ. Поднявшись, вижу что Костя лежитъ около меня, и тоже поднялся благополучно. Мужъ упалъ около самаго тарантаса; тарантасъ же стоитъ на боку, и только колесо неустово вертится въ воздухъ. Лошади, ямщикъ, фореиторъ, все это перелутанное лежитъ въ кучѣ. Больше всѣхъ пострадалъ фореиторъ, но, сравнительно дѣло обошлось благополучно; серьезнаго ушиба не было.

Пока подѣхалъ другой тарантасъ, и ямщики, съ помощью нашего повара, стали приводить экипажъ въ порядокъ, мы пошли пѣшкомъ. Оказалось что я сильно ушибла ногу, и мужъ, самъ получившій карамболь въ голову и руку, долженъ былъ вести меня подъ руку, какъ въ сказкѣ о лисицѣ и волкѣ: „битый не битаго ведетъ!“

Скоро догналъ насъ тарантасъ, уже безъ уносныхъ; корневикъ такъ и рвался и хралѣлъ, красота лошадь! Не успѣли мы сѣсть, онъ въ ту же минуту снова подхватилъ; даже ямщикъ пришелъ въ негодованіе: „Чортъ эдакой, а не лошадь!“ Летѣли мы, летѣли, не безъ нѣкотораго замиранія сердца, но дорога на счастье была гладкая. Уходились наши кони, и мы въ цѣлости были представлены на станцію Воронью. Сначала предполагалось ѣхать и ночью, но послѣ переѣзда совершеннаго съ такою невольною и чрезмѣрною быстротою, порѣшили остановиться ночевать. Въ этотъ день мы порядкомъ устали, проѣхавъ 25 верстъ верхомъ, рысью, по жарѣ, осмотрѣвъ крѣпость, да сдѣлавъ верстъ семьдесятъ въ тарантасѣ, съ такимъ пассажемъ какъ описано выше. Какъ не почувствовать послѣ всего этого стремленія прилечь и заснуть! Но на прошломъ ночлегѣ двухвостки, а на этомъ тараканы, да въ такомъ обиліи что можно было придти въ отчаяніе. Но такъ какъ отчаяніе безплодно, я устроила желѣзную свою кровать по срединѣ комнаты, и уснула въ сладкой, но не знаю, на

сколько быточной надеждѣ что по желѣзнымъ ножкамъ кровати тараканы не доберутся до меня.

Дорога отъ Воронья до Красныхъ Ярковъ идетъ все время около самаго Иртыша. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось увидѣть плывущую змѣю; сначала мы не могли разобрать что это за желтая головка на круто-высунутой шеѣ. Костѣ показалось что утенокъ. Разсмотрѣвъ поближе, увидѣли всю змѣю; она очень проворно и ловко плыла, извиваясь точно такъ же какъ когда ползетъ по землѣ. Ямщикъ показалъ замѣчательную гору на противоположномъ берегу Иртыша; сквозь всю гору проходитъ сквозная пещера. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Ярковъ, начинается подыматься по правой сторонѣ рѣки Курчумскій хребетъ. Въ Яркахъ крестьяне жаловались что Киргизы отбарантовали у нихъ лошадей и угнали за хребетъ. У Ярковъ, Иртышъ, шедшій сначала къ сѣверо-востоку, дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверо-западъ, образуя бухту, въ которой собирается большое количество карбазовъ. Съ этого пункта и начинается собственно судоходство по Иртышу. На слѣдующихъ станціяхъ: Больше-Нарымскѣ и Мало-Нарымскѣ, мы останавливались только чтобы выкупаться, пока перепрягали лошадей. Жаръ стоялъ до 35° по Реомюру, въ Мало-Нарымскѣ есть купцы, отправляющіе хлѣбъ въ Китай. Въ Хобдо пудъ пшеничной муки доходилъ этотъ годъ до 8 руб., а въ Мало-Нарымскѣ стоилъ 20 коп.

Изъ Мало-Нарымска дорога шла хорошенькою долиной, по берегу Нарымска; съ обѣихъ сторонъ поднимались довольно большія горы. Курчумскій же хребетъ принялъ уже грандіозные размѣры.

Проѣхавъ мимо большаго аула, мы, часовъ въ восемь вечера, доѣхали до Таловки, это деревня только-что выстроившаяся, избы маленькія, но хорошо построенныя. Намъ особенно пріятно поразилъ чисто великорусскій типъ крестьянъ, хотя они и числятся *инородцами*. Пока перепрягали лошадей, собралась толпа потолковать съ начальствомъ о своихъ дѣлахъ; тутъ тоже жаловались на баранту. Не знаю что причиной: то ли что здѣшніе крестьяне—звѣровщики, народъ удалой, самостоятельный и смысленный, или же возможно малое касательство съ начальствомъ (хотя въ Семипалатинскѣ на Новый Годъ насъ поразили хоромъ: „и прославимъ и восхвалимъ администрацію!“); но дѣло въ

томъ что ихъ толковый, свободный, вѣжливый складъ рѣчи просто поражаетъ. Видно что большею частію они люди зажиточные.

До Котонъ-Карагая, гдѣ стоитъ первый отрядъ, намъ оставалось отъ Толовки 40 верстъ; по маршруту назначено было мѣнять лошадей черезъ 25 верстъ, въ деревнѣ Медвѣдкѣ; но толовскіе крестьяне, везшіе насъ, увѣрили что доvezутъ отлично и безъ перепряжки. Очевидно, ихъ лошади составляли предметъ не малой любви и гордости ихъ владѣльцевъ. Дѣйствительно, кони отличные.

Отъ Толовки стали попадаться по дорогѣ деревья, иногда цѣлыми кучами; что для насъ составляло рѣдкое зрѣлище. Но видно мнѣ на роду написано что мошки и букашки будутъ отравлять мою жизнь. Едва глаза мои насладились зрѣлищемъ такъ давно невиданныхъ роцъ, какая-то безтолковая муха залетѣла мнѣ въ глазъ. Доѣхали мы до Медвѣдки, тьма такая что зги не видно; но такъ какъ насъ ждали, то въ окнахъ видѣлись огни, и мелькалъ народъ.

Несообразная муха сидѣла у меня въ глазу, точно камешекъ, и причиняла значительное страданіе, такъ что я заняла желаніе остановиться для изгнанія мухи. Темнота была такая что не только мухи, — бревна въ глазу не было бы видно. Викентій, нашъ поваръ, зажегъ свѣчу, и освѣтилъ для столпившейся около насъ публики мой печальный образъ. Но недоумѣніе и удивленіе превзошло всѣ границы, когда Викентій, съ моихъ словъ, потребовалъ зеркало. — „Чего?“ — „Зеркала!“ — „Какого такого?“ — „Слышь, ты, зеркала спрашиваетъ?“ — „Зеркала, а!“ — „Неси скорѣй!“ — „Чего такого!“ — „Зеркала, слышь ты!“ — „Чего толкаешься!“

Викентій самъ пошелъ въ избу на поиски зеркала.

— Да кто жъ эта такая съ нимъ-то сидитъ! полюбобытствовалъ тоненькій женскій голосъ.

— Его законная жена, тѣтка! заступилась я за себя.

Въ прошломъ году мы ни за что пострадали. Одна благородная, то-есть чиновная дама, встрѣтивъ насъ на пикетѣ, разказывала потомъ что встрѣтила генерала съ *мамзелью* и на всѣ доводы знавшаго насъ содержателя почты, упрямо утверждала что не можетъ быть чтобы благородная образованная дама путешествовала безъ горничной.

Наконецъ Викентій принесъ зеркало, и съ помощью его муха была извлечена. Публика выказала огромное сочувствіе.

„Ишь ты, лѣшій муха!“— „Въ глаза лѣзетъ проклятая!“— „Молчи! вынула!“— „Ну, слава тебѣ Господи!“

Поблагодаривъ и распроставшись, мы тронулись дальше; темно было, какъ въ трубѣ, такъ что надо было знаніе мѣстности нашихъ ямщиковъ чтобы насъ не вывалить; тѣмъ болѣе что дорога прямо отъ деревни пошла подъ гору черезъ рѣчку, и окончательно мы поѣхали лѣсомъ.

„Стой!“ „Куда ты!“ „Сбились!“ крикнулъ нашъ фореиторъ.

Въ потьмахъ мы съѣхали съ дороги, и попали между деревьями. Слѣзли наши возницы, и отправились искать дорогу; наконецъ обрѣли путь истинный. Не успѣли проѣхать съ полверсты, ямщики пригласили насъ вылѣзти изъ тарантаса и идти лѣшкомъ, такъ какъ, по ихъ соображеніямъ, скоро будетъ крутой спускъ и въ потьмахъ легко ошибиться. Вышли мы изъ экипажа и чуть не оцулюю шли за нимъ. Перебрались счастливо. Отѣхавъ версты съ двѣ, снова остановились поджидать тарантасъ Викентія.

— Савелій! а Савелій! говорили между собой наши ямщики.—А вѣдь тарантасъ-то тотъ, пожалуй, завалился?

— Пожалуй что и есть завалился.

— Не то сбились.

— Не слышать.

Постояли еще, и хотѣли уже отправить одного изъ ямщиковъ верхомъ отыскивать оставшихъ, какъ послышалось громаханье и трескъ сучьевъ, затѣмъ свистъ, и черезъ нѣсколько времени можно было опредѣлить что наши наѣхали близко. Ямщики перекликнулись и пустились дальше. Около полночи взошла луна, и освѣтила мѣстность; по обѣимъ сторонамъ дороги тѣснились громадные деревья; мѣстами они рѣдѣли, и слѣва открывалась долина, справа темнѣли горы. А тамъ опять столются великаны, и едва, едва, сквозь ихъ листву просвѣчиваетъ блѣдный свѣтъ луны.

Давно не жилось такъ хорошо, какъ въ эту ночь.

Не довѣжая версть десяти до Котонъ-Карагая, къ намъ подѣхали Киргизы, къ немалому ужасу Кости, наслушавшемуся отъ ямщиковъ разказовъ о барантачахъ.

— А! Чумикей! аманъ (здравствуй)! крикнулъ мужъ, разсмотрѣвъ одного изъ подѣхавшихъ.

Размѣнявшись киргизскими любезностями, изъ которыхъ главная: „Малджанъ эсенъ ма!“ то-есть „Здоровъ ли вашъ

скотъ и домашніе?“ Мужъ сказалъ Чумикею что байбиче (жена) его съ нимъ ѣдетъ. Тогда онъ подѣхалъ ко мнѣ, и приложилъ одну руку къ груди, а другую подавая мнѣ ребромъ и растопыривъ въ видѣ вѣера, наговорилъ съ три короба, полагать надо, любезностей; хотя я не поняла ни слова, но съ апломбомъ отвѣчала:

— Таръ джелгасенъ, Чумикей, таръ джелгасенъ (благодарю).

Киргизы выѣхали чтобы провести насъ черезъ трясины такого непослужительнаго свойства что лошади и волю уходятъ безслѣдно. Да будетъ извѣстно чрезъ сіе писаніе руки моею всѣмъ желающимъ провалиться сквозь землю что для этого есть наудобнѣйшее мѣсто въ Семипалатинской области.

Въ настоящемъ нашемъ настроеніи мы были вовсе къ этому не расположены, и потому когда узнали что миновали трясины, ощутили нѣкоторое удовольствіе.

Проѣхавъ большую рошу и два моста, переброшенныхъ черезъ бурливую горную рѣчку, мы выѣхали, наконецъ, на долину Котонъ-Карагая. Въ лагерѣ суетились и толпились люди; въ юртахъ свѣтились огни и пылалъ большой костеръ. Спутники наши, выѣхавшіе ранѣе, были уже налицо; первая экипажная часть пути была окончена.

На другой день, когда мы вышли изъ юрты, Котонъ-Карагай представился намъ во всей красотѣ. Зеленая долина разстилается версты на двѣ; съ одной стороны прилегаетъ къ высокимъ лѣсистымъ горамъ, на каменистыхъ вершинахъ которыхъ мѣстами лежитъ снѣгъ; съ другой стороны граничитъ невысокій каменистый хребетикъ, за которымъ течетъ Бухтарма; кругомъ долину замыкаютъ роши; около рѣчки—ряды юртъ, гдѣ помѣщается отрядъ, выстроенная баня и достраивающаяся казарма.

Пока шелъ смотръ отряда, мы пошли бродить въ рошу; березы, соснякъ, грибы и ягоды; родимая Тверская губернія, да и только! Порой только забудешься и взглянешь что такое темнеть такъ съ этой стороны роши; подынешь голову, а это горы стоятъ исполинскою стѣной. Вотъ еслибъ стоялъ бы тутъ, а не въ сылущихъ пескахъ, гдѣ онъ построенъ, я бы не жаловалась. Послѣ завтрака начались выборы волостныхъ правителей. Киргизья наѣхало множество.

Поставили на дугу на табуретъ ящикъ, накрыли его и посадили избирателей около него полукругомъ, поотдалъ отъ нихъ усѣлись рядкомъ выбираемые. Киргизская публика

тѣснилась кругомъ. Мужъ объяснилъ имъ значеніе выборовъ, и сказалъ нѣкій спичъ. Османъ переводилъ по-киргизски.

Прочитали имена кандидатовъ, роздали избирателямъ шарки и въ глубочайшемъ молчаніи церемонія началась.

Всѣ Киргизы слѣдили съ величайшимъ интересомъ за ходомъ выборовъ. Кандидаты превратились въ истукановъ и не спускали глазъ съ роковаго ящика.

Выбрали прежняго старшину. Тотчасъ подскочилъ къ нему Киргизенокъ лѣтъ четырнадцать, и сорвалъ съ него хорошую мѣховую шалку. У Киргизовъ обычай, перваго кто поздравитъ дарить; но тутъ оказалось что поздравитель самъ схватилъ подарокъ.

Потомъ роздали знаки: мѣдная медаль на цѣпи. Еще недавно подобныя знаки возбуждали неудовольствіе Киргизовъ, такъ какъ какой-то досужій человекъ растолковалъ имъ что, надѣвъ эти знаки, они будутъ окрещены въ христіанскую вѣру, потому что на медали гербъ Россійской Имперіи и на коронѣ крестъ. Теперь же они принимали и надѣвали знаки съ большимъ удовольствіемъ.

Послѣ выборовъ сдѣлано имъ было угощеніе. Казаки пѣли у себя предъ юртами, и мы долго гуляли, слушая ихъ пѣсни. Наконецъ разошлись по юртамъ приготовляться къ завтрашнему путешествію.

II.

8го августа, урочище Уанъ, 45 верстъ отъ Котонъ-Карагая.

Всю ночь шелъ дождь, и намъ пришлось выступать по сырости и въ ожиданіи новаго дождя. Съ ранняго утра лагерь представлялъ самую оживленную картину; выючили верблюдовъ, сѣдлали и пробовали лошадей. Наконецъ раздалась команда: „Садись!“ Казаки сѣли на коней и выстроились; вытянулась вереница выючныхъ верблюдовъ, погнали живой провіантъ, барановъ; мы тоже сѣли на лошадей. „Съ Богомъ!“ „Пѣсенники впередъ!“ И подъ залихватскую казачью пѣсню тронулись съ Котонъ-Карагая. Съ нами шло нѣсколько Киргизовъ; проводникомъ же мужъ нанялъ звѣровщика изъ деревни Бѣлой, нѣкоего Барсукова, не только замѣчательнаго тѣмъ что даже между своею братьей пользуется славой необыкновеннаго удалца и стрѣлка, но въ особенности интереснаго тѣмъ что ходилъ лѣтъ десять тому назадъ со своими односель-

цами искать *Бѣловодье*, то-есть землю гдѣ медь самотечный, хлѣбъ *самъ родится* и т. д. Они прошли всю Среднюю Азію, были около Тибета, и наконецъ увѣрились что уговорившій идти мужикъ обманулъ. Барсуковъ вывелъ своихъ домой. Два раза онъ ходилъ проводникомъ въ Китай съ консуломъ Павлиновымъ. Былъ при комиссіи ставившей пограничные знаки, и пр. Наружность Барсукова замѣчательна: необыкновенно большаго росту, сухощавый, плечистый, съ крупными, но правильными чертами лица, напоминающими лица каріатидъ Эрмитажа. Большіе темносѣрые, умные глаза, черная съ простѣдью борода и загорѣлое до невозможности лицо. Въ манерѣ, въ рѣчахъ спокойная самоувѣренность и, подчасъ, юморъ. Кафтаны опоясаны ремнемъ съ ножомъ и патронташемъ; за плечами винтовка съ присашкой; огромные сапожищи и маленькая китайская шляпа, въ родѣ картуза, надвинутая на лобъ.

Сначала всѣ болѣе или менѣе гарцовали, но такъ какъ по лужамъ и мокрой травѣ это неудобно, да и начальство этого не любитъ, то притихли и пошли смиренно. Пошелъ дождь, всѣ тѣ у кого были непромокаемые плащи, надѣли ихъ, но и плащи плохо защищали отъ дождя. Шли мы, шли подъ дождемъ; казалось ни дождю, ни дорогѣ конца не будетъ. Дорога шла ровною, однообразною долиною. Наконецъ я подѣхала къ Барсукову и стала его спрашивать какъ они *Бѣловодье* ходили искать.

— Мужичокъ сманилъ, изъ нашихъ, началъ Егоръ Титычъ.— Самъ, говоритъ, тамъ былъ на *Бѣловодьѣ*. Медь, говоритъ, самотечный, хлѣбъ самъ родится, всего вволю. Ну и пошли. Сто тридцать семей. Сколько горя - то было; дѣти, бабы, — сколько примерло дорогой.

— А долго вы шли?

— Въ апрѣлѣ вышли, къ Рождеству Богородицы пришли.

— Куда же вы пришли?

— Въ Турпанію.

По разказамъ можно понять что они были въ Турфанѣ, въ восточной части Кашгаріи.

— Всѣ что пошли разорились; кто богатѣющій былъ, а тутъ вовсе ничего не стало, потому побросали все, — хлѣба полные закромы, все. Къ тому же дорогой обворовали много.

— Кто же?

— Свои.

— Какъ свои?

— Да такъ, всякіе люди есть.

— Что жь, хорошо въ Турланиі?

— Песокъ да камень. Народъ по китайскому одѣтъ, и все какъ у Китайцевъ.

— Васъ жители не обижали?

— Нѣтъ, зачѣмъ; не обижали. Я у короля у ихняго, у турланскаго былъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ на стулѣ.

— Зачѣмъ же ты къ нему ходилъ?

— Говорить отъ всѣхъ нашихъ; чрезъ переводчика говорилъ. Сидитъ онъ ровно на креслѣ, все костью обдѣлано; одѣтъ самъ по-китайскому, а позади его стоитъ человекъ и этакимъ опахаломъ машеть.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Жаль мнѣ, говорить, васъ... Я вамъ земли дамъ, вы оставайтесь у меня, а покуда велѣлъ насыпать мѣшки урюку, изюму, рису. Какъ я принесъ къ нашимъ,—а они ужь сколько сидѣли съ дѣтьми не ѣвши,—даже всѣ залакали. Остаться не захотѣли; меня выбрали домой вести; а у меня братъ тутъ померъ, сноха, двое дѣтей; ну, ничего, и повелъ ихъ домой! Мужичка того что обманулъ застрѣлить хотѣли; насъ только восемь человекъ противъ всѣхъ его и отстояли. Онъ одинъ съ семьей тамъ остался.

Разговоръ нашъ стали прерывать безпрестанные возгласы: „Барсуковъ! Скоро Чингистай?“ Чингистай—мѣсто бывшаго китайскаго пикета; оно было назначено для привала.

Признаюсь, я съ отвращеніемъ подумывала объ этомъ привалѣ, на мокрой травѣ и подъ дождемъ, и очень раскаялась что взяла сына. Но скоро, ко всеобщему удовольствію, дождь прекратился и выглянуло солнце. Встрѣтилась первая проба новичкамъ: каменистый и довольно крутой спускъ, но всего какихъ-нибудь сажень пятнадцать. Костю вели на чумбурѣ; онъ краснѣлъ какъ ракъ, и вцѣпился въ луку сѣдла. Пройдя еще съ версту, мы подошли къ Бухтарминскому водопаду.

Рѣка шириной сажень въ 30, страшно быстрая, лагаетъ сильнымъ склономъ на протяженіи полверсты по громаднымъ камнямъ. Вся рѣка клубится, прыгаетъ и бѣшено реветъ; надъ ней какъ ларъ стоятъ брызги. Красота дивная.

Мы долго стояли и любовались. Барсуковъ намъ разказалъ:— Какъ этга былъ горный чиновникъ, и говоритъ: „Живъ быть не хочу, если не пройду тутъ на лодкѣ.“ Мы ему говоримъ:

Совсѣмъ невозможно—надо на лямкахъ спускать около самаго берега.—„Врете!“ говоритъ. Ладиль, ладиль себѣ лодку сладила большущую такую. Сѣлъ—да только мы его и видѣли.

И тутъ Барсуковъ такъ смѣялся что и мы смѣялись, глядя на него.

— Только щелы завертѣло, а его и духу не стало.

Потомъ Барсуковъ намъ показалъ одно мѣсто на правомъ берегу Бухтармы, гдѣ разрывали курганы и находили скелеты въ сидячемъ положеніи и на нихъ разныя куріозныя украшенія. Очень намъ хотѣлось разрыть хоть одинъ курганъ, но не было съ собой никакихъ инструментовъ.

Итакъ конецъ пришли и на Чингистай. Солнце успѣло уже нѣсколько обсушить насъ и землю; разостлали коверъ на берегу Бухтармы и занялись чаепитіемъ. Чингистай—красивое, привольное мѣсто; отъ горъ и до Бухтармы широкая долина идетъ склономъ въ два уступа, или, какъ звѣровщики говорятъ, прилавка; вся она покрыта травой и цвѣтами.

Только пошли мы съ привала, снова началъ лить дождь. Въ семь часовъ вечера мы пришли на Уанъ и стали на ночлегъ. Уанъ—мѣстечко, должно-быть, очень хорошее; тутъ и быстрая рѣчка, и красивыя купы деревъ, большая, густая трава; но въ настоящую минуту идешь по этой травѣ и чувствуешь что ноги до колѣнъ мокры, съ деревъ капаетъ, въ юртахъ сыро и холодно, отъ мокрыхъ войлоковъ отвратительно пахнетъ; даже и лунный свѣтъ, всегда придающій всему красоту и поэзію, придаетъ еще болѣе плачевный, холодный видъ этой промокшей картинѣ.

Развели большой костеръ; позвали къ нему грѣться и пить чай, въ ожиданіи обѣда. Но какъ мы ни грѣлись у костра, толку было мало, потому что съ одной стороны припекало, а съ другой прохватывало холоднымъ вѣтромъ. Наконецъ ушли въ юрты, и послѣ обѣда, то-есть супа изъ баранины, разошлись спать.

Отъ холода и сырости, съ непривычки, плохо спится.

III.

9го августа, близъ стойбища Михайле, 40верствъ отъ Уана.

Сегодня былъ день такихъ приключеній что до сихъ поръ у меня нервная лихорадка. Вышли мы съ Уана очень хоро-

шо. Дождь изрѣдка перепадаетъ; было темно, дорога чрезвычайно живописна. Идти—наслажденье! Прошли мы около красиваго озера, на которомъ было множество утокъ; но охотиться было неудобно, берега толки, а собаки съ нами не было. Поскакалъ было Ж. стрѣлять орла, но орелъ улетѣлъ.

Въ полуверстѣ отъ дороги, съ лѣвой стороны шли гранитныя скалы самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формъ, мѣстами совсѣмъ голыя, мѣстами поросшія деревьями и мхомъ.

М. отправился изслѣдовать строеніе скалъ; мы отправились за нимъ. Въ томъ мѣстѣ къ которому мы подъѣхали была расщелина, такая что одному человѣку съ трудомъ можно пройти. Мы соскочили съ лошадей и стали подыматься по ней. Вылѣзши изъ расщелины мы очутились точно въ волшебномъ міркѣ: прелестнѣйшая рощица, окруженная зубчатыми скалами; посрединѣ песчаная, чистенькая площадка; около нея, подъ деревьями, обломки скалъ образовали родъ скамей. Точно кто-нибудь тутъ нарочно садилъ, чистилъ и устраивалъ.

Спустившись съ этой скалы, мы стали взбираться на другую, замѣчательную тѣмъ что на вершинѣ ея большое, совершенно круглое отверстие, точно окно; мы пролѣзли туда и очутились точно въ крѣпости; опять большая площадка окруженная каменными стѣнами, съ одной только стороны можно влѣзть на нее и то между большими камнями, по крутому и узкому подъему. *Барантачалъ* * или отъ барантачей, отсиживаться отлично. Выбравшись оттуда, мы сѣли на лошадей и нагнали отрядъ. Скоро скалы пошли съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ нихъ образовались такія пещеры что можно бы спрятаться съ лошадыю. Съ одной высокой скалы падалъ водопадъ. Нѣкоторые изъ нашихъ ѣздили по скаламъ и собирали малину и крыжовникъ. Видѣли тутъ двухъ барантачей. Пѣсни въ отрядѣ не умолкали. Такимъ образомъ въ прелестнѣйшей мѣстности, при хорошей погодѣ и отличнѣйшемъ расположеніи духа, мы пришли и стали на полднѣвку, опять на берегу Бухтармы, у брода. Рѣка течетъ тутъ широкимъ русломъ, но все-таки чрезвычайно быстро. Пока разводили огонь около рощицы на берегу, видимъ ѣдетъ Барсуковъ уже съ противоположнаго бере-

* Общее въ степи названіе всякихъ воровъ, преимущественно скота.

га. Я ни разу не видала переправы въ бродъ черезъ горную рѣку, и потому меня поразило что лошадь Барсукова гнетъ въ дугу, и вода такъ и хлещетъ ей въ бокъ. Вдругъ она ткнулась, такъ что ушла съ головой, олять выправилась, Барсуковъ засучилъ рукава и спустился пониже. Тутъ сталъ переходить еще Киргизъ; когда они подходили къ нашему берегу, лошадей ихъ силою воды гнуло кольцомъ, а у самаго берега вода была имъ черезъ спины. Выйдя на берегъ, Барсуковъ сказалъ что этотъ бродъ въ настоящее время опасенъ, и лучше его не проходить, чтобы не загубить чьей-нибудь души. Я стала было, любопытства ради, подговаривать Барсукова вести насъ тутъ. Но онъ серьезно взглянулъ на меня.

— А видѣли вы какъ я перекрестился, какъ пошелъ въ воду?

— Видѣла.

— Ну и говорить больше нечего.

Напившись чаю, мы раздѣлились на двѣ партіи; насъ Барсуковъ отправилъ черезъ каменное болото * въ гору, а самъ съ Ж. пошелъ посмотрѣть нельзя ли пройти берегомъ до другаго брода. Пошли они такую кручей что у Ж. лошадь оборвалась и полетѣла ногами вверхъ; разумѣется онъ улетѣлъ впередъ ее и обрушился на Киргиза, который стоялъ внизу и рвалъ смородину. Лошадь Ж. завалилась на спину между осью и большимъ камнемъ. Вытащили лошадь, Ж. сѣлъ на нее, и пошли они пробовать пройти самымъ берегомъ; сначала шли хорошо, но тутъ встрѣтилась большая плита, сходящая совсѣмъ наискось въ воду. Барсуковъ прошелъ впередъ, — лошадь его ступила въ ямку, наполненную дождевой водой, и наплескала на плиту; не успѣлъ Ж. встать на нее, Барсуковъ кричить:— „Держитесь! лошадь катится!“ Какъ ужъ тотъ удѣвился за скалу, одинъ Богъ знаетъ, но въ ту же секунду лошадь, поскользнувшись, скатилась въ рѣку. Раза два ее перевернуло и отнесло теченьемъ на нѣсколько сажень. Однако она справилась и выбилась на берегъ. Тогда Барсуковъ, не унывая, по здѣшнему выраженію, заревѣлъ Ж.: „Александра Павлычъ! Возьмите лошадь въ поводъ и ведите сюда!“ Тотъ взялъ лошадь и провелъ по той же самой плитѣ. Рѣшивши что берегомъ идти нельзя, Барсуковъ полѣзъ къ намъ въ

* Болото образующееся между камнями горныхъ осыпей.

гору, опять чуть не по стѣнѣ. Или у Ж. лошадь была дрянная или паденіе ея напугало и утомило, но она снова оборвалась. Ж. только успѣлъ съ нея свернуться, чтобъ она его не придавила, и покатались оба, кто куда. У насъ Киргизъ увязъ съ лошадыю въ болотѣ, но ихъ благополучно вытащили. Пройдя недолго прямою и хорошею дорогою, мы поползли по крутому и каменистому подъему, по склону громаднѣйшей горы, покрытой густымъ лѣсомъ. Лѣзли мы, лѣзли, по узкой тропинкѣ между камнями и деревьями, держась за гривы, чтобы, несмотря на нагрудникъ, не сползти съ сѣдломъ на хвостъ. Спускаться оказалось еще хуже; послѣ дождя камни скользкіе; между камнями жидкая грязь, и спускъ такой же крутой, какъ и подъемъ. Костю все время урядникъ велъ на чумбурѣ; но онъ уже не краснѣлъ и не трусилъ, какъ на первомъ спускѣ. Сойдя съ этого спуска, мы снова пошли хорошей дорогою лѣсомъ. Въ тѣни громадныхъ деревьевъ тѣнисто и прохладно; кругомъ всевозможныя ягоды, къ намъ то и дѣло подлѣзжаютъ Киргизы или казаки, и продаютъ пучки ягодъ.

Барсуковъ уѣхалъ впередъ искать бродъ. Пройдя довольно долго, мы остановились на полянкѣ въ лѣсу подождать Барсукова. Ждали, пождали, Барсукова все нѣтъ; снова сѣли на лошадей и стали спускаться частымъ лѣсомъ къ рѣкѣ. Два казака поѣхали впередъ; наконецъ они вернулись съ извѣстіемъ, что Барсуковъ *реветъ* — значитъ къ броду.

Пробравшись между деревьями, пнями, валежникомъ и кустами къ берегу, видимъ дѣйствительно Егоръ Титычъ тутъ.

— Ну, говорить, — бродъ не очень хорошъ, но перейти можно.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ сажень 40 ширины, посрединѣ отмель, съ правой стороны глубина и быстрина, оканчивающаяся за островкомъ покрытымъ кустами той же отмелью; по этой отмели можно добраться до другаго берега; съ лѣвой, *труба*, то-есть глубокое русло, и вода туда несется съ страшной быстринной.

Мужъ приказалъ выстроиться всемъ по три въ рядъ, идти плотною колонной, забирая сначала вправо, чтобы не унесло въ трубу, и потомъ спускаться на отмель, на которой, въ видѣ маяка, стоялъ Барсуковъ.

Впереди колонны пошли мужъ, я и казакъ; за нами Костя на чумбурѣ у урядника; съ другой стороны его. Османъ и Ж.

4172-432

и такъ далѣе. Сначала шли хорошо, плотно держась другъ около друга, но черезъ нѣсколько минутъ, смотрю, лошадь моя отдѣлилась отъ лошадей казака и мужа. Онъ кричитъ мнѣ что-то; за ревомъ воды ничего не слышно. Вижу справа вода несетя и бьетъ каскадомъ, слѣва тоже; чувствую какъ лошадь шатается подо мной, гнетъ ее кольцомъ, вода хлещетъ въ бокъ, такъ что хватаетъ мнѣ до колѣнъ, и, главное, душа дрожитъ за Костю. Окончательно я перестала понимать идетъ или стоитъ моя лошадь; вижу только что около меня реветъ и клубится вода. Голова стала кружиться, и я почувствовала какую-то совершенную безпомощность. Въ это время казакъ схватилъ и дернулъ мою лошадь за поводъ, и мужъ крикнулъ такъ что я разслышала: „правѣ!“—„на Барсукова!“ Я какъ будто опомнилась, поняла въ чемъ дѣло и куда держать. Выбралась на отмель, то есть на средину брода; отлегло отъ сердца. Костя тутъ. Въ ту же минуту съ неимоверною быстротой пронесло мимо насъ, по трубъ, Викентія. „Викентій отбился!“ „Викентій тонетъ!“ крикнули около насъ.

Барсуковъ бросился по отмели, чтобъ его перехватить, сунулся, схватилъ его, но у него въ рукѣ остался одинъ только клокъ волосъ; того несло дальше, кувырка вмигъ съ лошадью; раза четыре ихъ перевернуло. Когда Викентія пронесло мимо Барсукова, всѣ точно замерли; невольно только двинули лошадей впередъ по отмели вслѣдъ за тонущимъ. Въ эту минуту Викентія принесло къ тому мѣсту гдѣ рѣка дѣлаетъ крутую луку; тутъ низко надъ водой росъ большой кустъ тальника. Это его спасло, онъ схватился за сучья тальника; вѣроятно тутъ была заводь, потому что и лошадь справилась и стала выбиваться на берегъ. Смотримъ, она передними ногами уже на землѣ, и выкарабкивается совсѣмъ. Викентій, держась за хвостъ, за ней. Слава Богу! На берегу!

Барсуковъ повелъ насъ дальше, но остальная часть брода уже неглубокая. Лишь только мы стали на землю, верблюды съ кухней и нашими вещами потащили по трубъ. Барсуковъ снова бросился за нимъ, успѣлъ перехватить за длинный арканъ и вытащить на отмель. За верблюдомъ, смотримъ, тащить казака; но у него лошадь была отличная, самъ онъ былъ опытный, и несло его близко отъ мели, такъ что довольно скоро выбился на отмель. Не успѣли вздохнуть свободно, еще казакъ тонетъ; этого уже сбило, и принялось кувыркать, но

на счастье, его тоже несло около самой отмели, и Барсуковъ скоро его перехватилъ.

Наконецъ всѣ собрались на берегу, считаютъ, одного казака нѣтъ, и Викентій остался на томъ берегу. Выбрали лучшихъ лошадей, и Барсуковъ съ урядникомъ отправились за ними. Мы тѣмъ временемъ распорядились разложить костеръ, такъ какъ солнце уже сѣло и стало очень свѣжо. Достали спиртъ и сухое платье. Барсуковъ, какъ только перевезъ Викентія, вдругъ опустился, поблѣднѣлъ и, легши на краю берега, сталъ смачивать себѣ голову и грудь водой. Ему отъ утомленія, а, можетъ-быть, отчасти и отъ волненія, стало совсѣмъ дурно.

Когда тонувшіе переодѣлись и ихъ напоили спиртомъ, мы тронулись дальше.

Алтайскія горы открылись во всей своей красѣ: кругомъ насъ, какъ застывшіе исполинскіе валы Океана, подымались на необозримое пространство горы, мѣстами, въ ущельяхъ, поросшія лѣсомъ, мѣстами каменистыя, но большею частью покрытыя, какъ ковромъ, густою травой и цвѣтами. Чѣмъ выше поднимались мы въ горы, тѣмъ становилось холоднѣе. Проѣхавъ на полныхъ рысяхъ верстъ десять, мы пріѣхали къ аулу Михайле, и остановились верстахъ въ трехъ отъ него, въ долинѣ между лѣсистыми горами; это урочище тоже называется Котонъ-Карагай.

IV.

10го августа, Рахмановскіе ключи.

Утромъ, когда мы сошлись къ чаю, оказалось что сравнительно все обошлось благополучно; больныхъ послѣ вчерашняго купанья не было. У Викентія только сильно разбита нога, вѣроятно въ то время когда его кувырало, или, по выраженію Барсукова, *куряло* въ рѣкѣ. Снова около костровъ досушивали чай и вещи. У мужа не оказалось ни одной сухой пары сапогъ. Одну онъ вымочилъ переходя бродъ, другія всѣ тонули. Наѣхало много Киргизовъ; всѣ они усѣлись на землю рядкомъ; самъ Михайле, восьмидесяти двухъ-лѣтній старецъ, очень напоминалъ дряхлую собаку, можетъ-быть тѣмъ что у него глаза красные и слезятся. Онъ нѣсколько разъ присылалъ просить водки; ему раза два дали, разъ даже налили въ бутылку, но потомъ стали отказывать.

Долго продолжались наши сборы. Киргизы аула Михайле сами только-что приняли русское подданство. То приводили они лошадей куда негодныхъ! а если и приведутъ хорошихъ, не успеешь оглянуться, а они ихъ снова утнали.

Наконецъ все устроилось; мы тронулись въ путь, и перейдя ручей, стали подниматься на зеленую гору. Казалась она не очень высокой, но когда стали подниматься, гора оказалась предпочтенная. Нѣсколько разъ останавливались на площадкахъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Когда добрались до вершины и взглянули на долину Котонъ-Карагай, гдѣ оставили десять казаковъ, лишнія юрты и тяжести, они показались намъ муравьями. По горѣ, или вѣрнѣе долину, открывшейся на горѣ и покрытой великолѣпною травой, стояли небольшими рощами, какъ здѣсь называютъ, *колками*, кедры. Во всѣ стороны разваливались горы, видѣлись Бухтарминская и Берельская долины, съ своими бѣлыми снѣговыми рѣками; за ними подымались бѣлки, то-есть снѣговья горы. До того громадны, великолѣпны были размѣры этой чудной панорамы, что теперь становилось даже странно вспомнить Ульбинскія горы и Титовку; точно карточный домикъ приставить къ Исакиевскому собору. Въ ближайшихъ долинахъ видѣлись аулы. Невольно приходило въ голову, глядя на эту ширь, роскошь и красоту, что завидная жизнь кочующихъ здѣсь Киргизовъ. Правда только не зимой, въ юртѣ!

Солнце начинало сильно прилекать и становилось жарко. Мы сошли съ лошадей у ручья, кругомъ его было кочковатое болото. Разумѣется сначала всѣ принялись лить, потомъ стали размѣщаться на кочкахъ; я какъ-то оборвалась и попала всей ботинкой въ воду. Добрыя души вытерли ее, и я стала просушивать на солнышкѣ. Вдругъ всѣ наши лошади, стоявшія въ кучкѣ, шарахнулись. „Что тамъ?“ спросилъ мужъ. На это казакъ, вытянувшись во фронть, доложилъ такое неожиданное происшествіе, что я рада была что сидѣла подъ зонтикомъ; а мадамъ К. такъ залилась смѣхомъ, что рухнула между двухъ кочекъ, придравшись къ чему, всѣ разразились хохотомъ. Скоро подошли наши верблюды и вьючныя лошади. Мы двинулись дальше, все продолжая подыматься; довольно долго шли по широкому карнизу, по боку горы; хотя мы ѣхали шагомъ, однако утомителенъ показался этотъ нескончаемый подъемъ, а Барсуковъ намъ рассказывалъ что

у Киргизовъ по этому подъему бываетъ „байга“ (то-есть скачка). Окончательно пошли по каменистымъ горамъ. Чрезвычайно разнообразны и красивы ихъ сланцевыя вершины и осыпи; и вдругъ, неизвестно откуда, между ними точно дѣлая рѣки валуновъ. Искали слѣдовъ прежде бывшихъ ледниковъ, но какъ-то никакія предположенія не подходили. Раза два намъ пришлось идти по валунамъ. Ужасно надоѣдаетъ. Лошадь ступаетъ шагъ за шагомъ, и надо постоянно держать поводъ насторожѣ, чтобы поддержать лошадь, если она споткнется, и быть наготовѣ сбросить стремяна и свернуться съ сѣдла, въ случаѣ если она упадетъ. Изрѣдка попадали въ долинахъ небольшія озера. Растительность тутъ самая бѣдная, большею частью голые камни, иногда покрытые ползучей березой, да въ долинахъ около озеръ болотная зелень.

Поднявшись на перевалъ, мы стали спускаться по каменистой осыпи; спускъ былъ такой что я велѣла Костѣ сойти съ лошади и идти лѣшкомъ. На днѣ этой долины было тоже озерко, и билъ со скалы небольшой водопадъ. Потомъ опять полѣзли на гору, громадную и крутую, и наконецъ взобрались на вершину, увидѣли въ первый разъ Бѣлуху. На ней лежали тучи; намъ видны были только два почти одинаковые ея шпилья, на подобіе двухъ исполинскихъ сахарныхъ головъ. Вытащили бинокли, трубу и стали смотрѣть. Киргизы и казаки тоже съ любопытствомъ прикладывали глазъ къ трубѣ, но не изъ любопытства, что тамъ такая за Бѣлуха, а что это за машина въ которую всѣ смотрятъ. Егоръ Титычъ Барсуковъ, хотя и самъ смотрѣлъ на свою родимую Бѣлуху, но долго баловаться намъ не далъ, говоря что хотя будетъ еще одинъ только спускъ до Рахмановскихъ ключей, да за то „жалостный“. А ужъ если Егоръ Титычъ заявилъ что будетъ жалостно, то дѣйствительно будетъ, какъ называлъ одинъ изъ спутниковъ, какой-нибудь чортоломъ. Наконецъ добрались мы до хорошенькой зеленой долины. Барсуковъ устремился съ Ж. за сободемъ. Насъ же повели старшина Уркунча и его братъ. Подошли мы къ небольшой горкѣ, завернули за нее; посмотримъ, обрывъ тысячи въ три футовъ! На днѣ этой котловины или, пожалуй вѣрнѣе, проласта, поросшей густымъ лѣсомъ, большое озеро, верстъ шесть длиной. И вотъ начали мы спускаться по самому краю этого обрыва по карнизу; такъ какъ къ нему подходятъ вершины

деревъ и кусты, то не страшно; одно что мѣстами очень круто; камни послѣ дождя скользкіе и навалены горами, точно дѣйствительно кто-нибудь желалъ чтобы тутъ чортъ ногу сломалъ. Какая прелесть горная лошадь! Она идетъ такъ осторожно и ловко что просто любуешься. Въ иномъ мѣстѣ приостановится, осмотрится, осторожно попробуетъ ногой куда ступить, и потихоньку перебирается. Дѣйствительно, самое надежное въ опасныхъ мѣстахъ полагаться на нее. Спускъ, какъ и обѣщаль Барсуковъ, оказался „жалостнымъ“; лошади по мокрымъ плитамъ и скользкой грязи то и дѣло съѣзжали на заднихъ ногахъ какъ на салазкахъ, а такъ какъ катанье это происходило по карнизу, на высотѣ, примѣрно, нѣсколькихъ Исакіевскихъ соборовъ, поставленныхъ одинъ на другой, то ощущеніе выходило довольно сильное. Наконецъ мужъ сошелъ съ лошади, пригласивъ меня и Костю тоже сойти. М. и даже нѣсколько казаковъ спѣшились и повели лошадей въ поводу. Прошли мы карнизъ и стали спускаться лѣсомъ; тутъ оказалось еще жалостнѣе. Корни деревъ, ямы, плиты, грязь и, главное, круча страшная. Устала я очень карабкаться и скакать съ камня на камень, такъ какъ у меня не было, какъ у мушкетера, высокихъ толстыхъ сапоговъ, и въ тихомолку съѣла на лошадь, видя что Османъ, тоже человѣкъ семейный, спускался на лошади. Слышала я какъ мужъ кричалъ чтобы я сошла, но притворилась что не слышу. Лошадь у меня была отличная, и спускала удивительно. Плохо только пришлось когда мы съ Османомъ, потерявъ изъ виду проводника, забрались въ такую тущобу что ни ходу, ни выхода. Куда ни взглянешь внизъ, какъ отрѣзано. Слышу мужъ кричить откуда-то снизу, М. сбоку, и главное Костя вопить: „Мама! Мама! сойди съ лошади! Да снимите ее!“ И безъ того мы съ Османомъ были не въ маломъ недоумѣніи, а наши своими криками окончательно сбивали съ толку. Наконецъ и я имъ крикнула чтобы не вопили и не мѣшали. Пооглядѣвшись, мы осторожно повернули лошадей и кое-какъ выбрались. Весь этотъ спускъ, очень крутой, идетъ пять верстъ, другіе говорятъ, восемь.

За то какъ только спустились на долину, перейдя какой-то ручей, просто пришли въ умиленіе: вопервыхъ, отличная лужайка; на ней нѣсколько большихъ кедровъ; это было очень важно для насъ, такъ какъ люди могли укрыться отъ дождя; вовторыхъ, великолѣпное озеро, и кругомъ горы, одѣтыя съ

половины густымъ хвойнымъ лѣсомъ какъ шубой. Пока пришли вьюки, мы пошли къ ключамъ; отъ нихъ такъ и лоптало залахомъ гнилыхъ ящъ, то-есть сѣрой; было довольно холодно, и надъ ключами стоялъ паръ. Спустили термометръ, оказалось въ водѣ 29° по Реомюру. Песокъ на днѣ и вода внизу оказались гораздо горячѣе чѣмъ на поверхности. Ключъ названъ Рахмановскимъ, по имени бѣжавшаго сюда, въ концѣ прошлаго столѣтїя, старообрядца, здѣсь и проживавшаго своей вѣкѣ. Обдѣланъ ключъ деревяннымъ срубомъ; подлѣ ключа сухое дерево, покрытое навязанными на него тряпочками; это уже жертвоприношенїя Киргизовъ и Калмыковъ.

Егоръ Титычъ относился съ уваженїемъ и любовью къ этимъ ключамъ. Подойдя къ срубѣ перекрестился, напился воды и умылъ себѣ глаза и лицо.

— Какъ же, говорить онъ, сидя на камнѣ, около сруба,—мамонька моя была больна и говорить: „Сыночекъ милый, привези мнѣ этой водицы“. Помогло.

— Да вѣдь отъ вашей деревни далеко сюда?

— Но. (Но значило у Барсукова да.)

— И ты сюда ѣздилъ за водой?

Егоръ Титычъ засмѣялся.

— Вамъ тутъ дико, да дивно кажется, а мнѣ ровно у себя дома. У насъ, вонъ тутъ, въ лѣсу и избушка есть. Каждый годъ сюда промышлять приходимъ.

— Надолго?

— Да мѣсяца на два, на три. Больше въ одиночку ходимъ, а бываетъ по два и больше.

— Есть тутъ около и другїя избушки?

— На Калмачихѣ есть, верстахъ въ двадцати. Въ праздникъ другъ къ дружкѣ въ гости ходимъ.

— Какъ же вы зимой тутъ ходите, на лыжахъ?

— Но.

— Въ лѣсу между деревьями развѣ можно на лыжахъ?

— Да кто ловокъ ходить на лыжахъ, такъ тотъ вѣроче чѣмъ на конѣ. Какъ пустишься съ горы, страсть! Такъ летомъ и летить, присядешь маленько, да длинной палкой направляешь.

— А съ этой горы можно сбѣжать на лыжахъ? спросили мы его, показывая крутую, съ вершины почти отвѣсную гору сажень въ 400 вышины.

— Почто не можно, можно.

— А случилось тебѣ падать?

— Какъ не случилось, случилось.

— Что же тогда?

— Что? Сядешь, починишь лыжи, приладишь, да и побѣжишь сызнова. Ну и всяко бываетъ, когда какъ; иногда изломаетъ всего, и лыжи изломаетъ. Лѣтось я съ двумя товарищами промышлялъ на бѣлкахъ около Бѣлухи; свѣтъ-то подтаялъ, поползъ внизъ, они такъ и стгнули. Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, да за ними. Надо ихъ отыскать. Сорвался, изломало меня всего.

— Ну что жь?

— Ничего. А товарищей-то и слѣда не нашелъ. Ужь лѣтомъ нашли. Лежать ровно живые, совсѣмъ свѣжіе. Положили такъ-вотъ черезъ сѣдло и повезли домой.

— Семейные были? Молодые?

— Молодые. Одинъ женатый, другой такъ, одинокій. А то, этга я то же зимой былъ на Камлацихѣ одинъ. Чувствую разломало меня всего; ломъ во всемъ. Боленъ. Знать горячка! Натаскалъ воды въ избушку, дровъ припасъ около печки. Вижу, скоро не встать.

— Ну что же?

— Ничего. Сутокъ трое лежалъ и избушку не топилъ. Все-го недѣли съ двѣ пролежалъ; ничего не ѣлъ, только воду испивалъ.

— А потомъ?

— Киргизъ заѣхалъ. Домой отвезъ.

Тутъ пришли верблюды; ихъ развьючили и стали разставлять наши юрты. Около ключа сдѣлали ширму изъ моего пледа и я отправилась купаться; вода такая пріятная; кажется бы цѣлый часъ не выѣзла. Къ обѣду собрались, какъ и всегда, къ намъ въ юрту; въ холодные дни я этому особенно рада, такъ какъ публика нагрѣваетъ юрту. Всю ночь шелъ дождь. Утромъ рѣшили простоять этотъ день на мѣстѣ. Барсуковъ предложилъ поѣхать посмотрѣть его избушку. Мужъ, я и Османъ сѣли на лошадей и отправились съ нимъ. Избушка стояла саженьяхъ въ десяти отъ ключей, у подножія горы, въ кедровомъ лѣсу. Срублена она изъ толстыхъ бревень, съ плоской крышей; крошечныя сѣни и въ нихъ сусѣка для муки; изъ сѣней дверь въ избу. Изба вся аршинъ шесть въ квадратъ. Половина избы занята палатами; тутъ же на нихъ устроена печь изъ груды камней. Крошечное окно, и повы-

ше, въ другой стѣнѣ, заткнутая дыра для дыму. Барсуковъ съ видимой любовью показывалъ намъ, какъ онъ называлъ, свой дворецъ; просилъ посидѣть, говорилъ какъ зимой тутъ тепло.

— Вотъ, этга, поставишь ловушекъ на разныхъ мѣстахъ, гдѣ соболя ходять. Пойдешь, согласишь гдѣ были прежде заставлены. Ходишь-ходишь, и Богъ знаетъ гдѣ, и придешь въ избу. Когда и нѣсколько насъ соберется. А то: ребята, пойдемъ въ ключи париться. Пойдешь! Морозъ страсть какой, изъ ключа паръ такъ и валить. Раздѣнемся, да бѣгомъ туда. Шапки на головы надѣнешь, сидишь-сидишь. А то разъ, этга засталъ меня зимой буранъ въ горахъ; одно спасенье; зарылся въ снѣгъ. Какъ очень жарко станетъ, проверчу дыру. Такъ три дня просидѣлъ.

— Ну что же?

— Ничего. Буранъ стихъ, вылѣзъ, до аула кой-какъ добрался, обмерзъ весь. Киргизы домой свезли.

— Что жъ съ тобою было?

— Докторъ былъ у насъ въ деревнѣ изъ Зырянскаго рудника. Везите его, говоритъ, въ больницу: надо, говоритъ, пальцы рѣзать на ногѣ. Я не поѣхалъ.—Ну, говоритъ, какъ знаешь, а у меня съ собой инструмента нѣтъ, — а ране какъ черезъ двѣ недѣли не могу быть сюда. Сказалъ мамонькѣ какой пластырь сварить. Уѣхалъ. Смотрю, у меня пальцы-то на ногѣ почернѣли. Плохо. Досталъ я бритву, спросилъ вина, напился да и отхватилъ. Такъ на этой ногѣ перстовъ и нѣтъ.

Мы такъ и вскрикнули.—Какъ же это ты рѣшился?

— А то какъ, не отними, смерть.

— Что же съ тобой послѣ было?

— Ничего. Мамонька пластырь варила, прикладывала. Она умный человекъ была. Залѣчила.

— Долго ты былъ боленъ?

— Мѣсяца три провалялся; весь обмороженъ былъ.

Возвращаясь изъ избушки, мы замѣтили что облака начинаютъ отдираться отъ горъ; признакъ что погода разгуляется.

Стали поговаривать не пойти ли намъ впередъ. Барсуковъ говорилъ что хотя позади дождя и много, но можетъ случиться и разнесеть.

Рѣшили идти. Барсуковъ сказалъ что верблюдовъ брать съ собою дальше нельзя, взяли одну только юрту и палатку, навьюченныя на лошадахъ.

V.

Бѣлая Берель, 11го августа.

Собрались и пошли; почти тотчасъ намъ пришлось подыматься зигзагами по высокой зеленой горѣ. Вышина и крутизна страшная. Добрались повидимому до вершины, а тамъ выше, такая же торчитъ гора. Дали лошадямъ вздохнуть и снова полѣзли зигзагами вверхъ. Наконецъ поднялся до сѣдѣлки и пошли прямо. Начался сильный дождь. Мы пустились рысью до кедроваго колка и спрятались подъ деревьями. Ж. тотчасъ прилетѣлъ на землю, нагрѣвъ сухихъ кедровыхъ иглъ и развелъ огонь. Дождь прошелъ. „Садись!“ И снова пошли впередъ.

Шли мы уже бѣлками; на многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ. Холодно было очень. Торопились засвѣтло придти на Бѣлую Берель и шли все время, кромѣ подъемовъ и спусковъ, рысью. На бѣду лошадь у меня попалась вертлявая и тряская; стремя мнѣ отпустили длиннѣйшія, того и гляжу что вылечу изъ сѣдла. Поправили, да сѣдали еще хуже: одно стремя на четверть короче другаго. По-дамски сѣсть нельзя; трава мокрая, лошадь скользитъ. На бѣду пошелъ опять сильный дождь; мы поскакали чтобы скорѣе добраться до лѣсу. На косогорѣ лошадь моя толкнулась въ сторону, я потеряла стремя, но какъ-то, за шею и гриву, удержалась. Какъ ни скакали, а пока добрались до лѣсу, насъ вымочило порядкомъ; но подъ кедрами все равно что подъ крышей. Тутъ же было сѣдано звѣровщиками или Киргизами нѣсколько шалашей изъ вѣтвей. Переждавъ дождь, снова пошли впередъ; попали подъ градъ, который щелкаетъ очень чувствительно, и окончательно спустились отвратительнѣйшимъ, крутымъ, каменистымъ и скользкимъ спускомъ къ Черной Берели. Моя негодная лошадевка на спускъ чуть было снова не ссадила меня съ сѣдла. Заупрямилась въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надо было прыгнуть съ довольно большаго камня внизъ, и повернула на крутизнѣ въ сторону, вверхъ. Нагайка у меня куда-то запуталась, и я ничего не могу съ нею сѣдлать. Наконецъ Османъ выручилъ изъ бѣды и стащилъ лошадь за поводъ.

Костя и М. спустились лѣшкомъ. Мы перешли Черную Берель въ бродъ; вода прозрачная, а не ледниковая, какъ въ Бухтармѣ и Бѣлой Берели. Бродъ очень быстрый, но не такъ глубоко какъ на Бухтармѣ. На Берели прехорошенькій водопадъ, красиво обрамленный темными кедрами; вообще мѣсто предельное. Остановились мы въ зеленой долинѣ подъ кедрами. На одномъ кедрѣ великанѣ, между корнями котораго мы усѣлись, надвѣяны были звѣровщиками вѣшалки для ружей и т. д. Барсуковъ разказывалъ намъ что они часто тутъ ночуютъ. Отдохнувъ и напившись чаю, пустились дальше. Взобрались на такой же громадный перевалъ, какъ и до Черной Берели, и спустились такимъ же отвратительнѣйшимъ спускомъ. Бѣлую Берель перешли въ двухъ мѣстахъ: сначала довольно мелкій рукавъ, и, потомъ, главное русло. По сравненію этотъ бродъ показался довольно хорошъ, хотя тоже вода ледниковая, бѣлая, и дно очень каменисто.

Берельская долина казалась въ сумеркахъ очень мрачной и дикой; особенно поражаетъ мертвая тишина кругомъ. Начиная съ подъема отъ Михайла, я не помню чтобы намъ встречались птицы. По крутому берегу Берели стояли отдѣльными колками кедры. Вѣрно было стать на ночлегъ въ одномъ изъ нихъ. По бокамъ долины громадныя горы. Добравшись до ровнаго мѣста, насъ нѣсколько человѣкъ, съ Барсуковымъ во главѣ, пустились карьеромъ. Доскакавъ до удобнаго мѣста, мы сошли съ лошадей, Ж. тотчасъ занялся своимъ любимымъ дѣломъ, разжиганьемъ костра, а мы съ Костей пошли бродить и рвать цвѣты, которыя я собирала и сушила. Барсуковъ толковалъ мнѣ свойства многихъ травъ и цвѣтовъ. По горамъ краснѣетъ бездна бадана; его пьютъ вмѣсто чая, только собираютъ не свѣжій, а прошлогодній. Барсуковъ увѣрялъ что вкусомъ отъ настоящаго чаю не отличишь.

Вечеромъ, когда собрались въ юрту около чая, Барсуковъ засѣлъ тоже къ намъ, и разказывалъ какое тутъ множество медвѣдей.

— Если его не тронешь, говорилъ онъ, медленно прихлебывая чай въ прикуску,—онъ не пошевелитъ; а на выстрѣлъ, такъ прямо и махнетъ. И мудеръ же онъ; иди къ нему такъ чтобы никакъ не услышалъ человѣчьяго духа, не то уйдетъ.

— А много ты ихъ билъ?

— Да кто его знаетъ; десятка за три, либо за четыре.

— Ломалъ тебя медвѣдь?

— Нѣтъ, не ломаль. Одново руку сгрызь. Быль я на Бѣлухѣ около ледника, вижу пять ихъ ползають по льду; я стрѣлиль; одного убилъ, трое убѣгли; еще одного раниль; какъ онъ махнеть на меня, я за большую колоду тороплюсь, винтовку зарядить, а онъ лѣзеть. Я ему зареву: ты куда! ты за чѣмъ! онъ ошалѣеть отъ крику-то, остановится. А тамъ опять ползеть. Я опять зареву на него, онъ опять остановится. Наконецъ ужъ этта нарочить меня зреть, я ему изъ-за колоды въ лапы винтовку сую, а самъ другой рукой ищу, ищу ножа, а у самого такъ все и дрожить, молось: Мать Пресвятая Богородица! Онъ винтовку-то какъ выбьетъ у меня изъ руки, да и потащилъ меня ровно соломенку; я ухватился другой рукой за колоду, рванулся, да и кинулся подъ яръ.

— Ну что же?

— Ничего. Два ребра переломилъ. Полежалъ, полежалъ. Всталъ, вылезъ изъ яра, винтовку нашель, и тотъ медвѣдь что на меня лѣзъ издохъ; шкуры ободралъ. А то еще весною было, вижу, медвѣдь большущій и медвѣдица цѣлаются; онъ этта, зайдетъ, въ рыло-то ее лижетъ. Я съ подвѣтру зашелъ. Стрѣлиль. Какъ онъ медвѣдицу-то шаркаетъ въ сторону, а самъ такъ кубаремъ и скатился подъ гору. Та посмотрѣла, чего моль, думаетъ, милый мой такъ меня шарахнулъ? Пошла подъ гору, видитъ кровь, фыркнула, да на меня. Я ее въ упоръ. А то, вотъ-то смѣху было, продолжалъ Егоръ Титычъ, смѣясь и качая головой:—это ужъ мы пришли съ промысловъ, и испиваемъ. Пили, пили. Бѣжитъ тутъ одинъ: „Тятенька! кричить медвѣдь на пастѣкъ въ капканъ попалъ.“ Мы все были безъ оружія (у звѣровщиковъ правило, когда приходятъ другъ къ другу въ гости, не брать съ собою ни ножа, ни какого оружія, точно также когда идутъ на промыселъ, не берутъ съ собою водки). Бѣгомъ! Кто еще за лазуху суетъ бутылку или полустофъ. Прибѣжали. Медвѣдь идетъ, лапа-то у него въ капканъ, а за капканомъ тащится на цѣли большущій чурбанъ. Вотъ шелъ онъ, шелъ, остановился, взялъ чурбанъ въ лапы и понесъ. Должно-быть надошло, вырыль яму, закопалъ туда чурбанъ, затопталъ, затаскалъ всякой всячиною, думаетъ, ладно. Пошелъ, а чурбанъ-то снова за нимъ. Остановился, сизнова потащилъ, принесъ на край яра какъ шаркаетъ его подъ яръ! да и самъ съ нимъ улетѣлъ. Отъ-то мы хохотали!

Кто-то спросилъ Барсукова большіе ли здѣсь медвѣди.

— Большущіе. Въ вышину-то не очень высокъ, съ двух-годовую скотину, гораздо длинный звокой! какъ станетъ на дыбы, такъ вотъ до верху юрты будетъ.

Это выходило аршина четыре.

— Множество ихъ здѣсь, продолжалъ Барсуковъ.— Вотъ тоже было съ однимъ, съ нашимъ: идетъ онъ около самой Берели; наткнулся на чернаго звѣря; тотъ бросился на утекъ, онъ за нимъ; медвѣдь со страховъ въ рѣку (а онъ на водѣ ничего нестоющій). Плыветъ, только одна мордочка торчитъ, ни поворотиться въ водѣ, ничего; какъ есть ничего нестоющій! Товарищъ за нимъ въ воду, онъ удалой былъ и плавать, и на все, нагнавъ чернаго звѣря, съѣлъ на него, схватилъ за голову, да и зачалъ курять (совать головой въ воду) такъ до смерти и закурять.

Долго еще мы сидѣли и толковали, но когда все разошлись, и у насъ въ юртѣ заснули, мнѣ вдругъ ясно представилось въ какой мы глуши, и что если въ нашу юрту заберется медвѣдь.

Такъ и представлялось какъ онъ подымется въ вышину всей юрты, и насколько днемъ я желала посмотрѣть медвѣдя на волѣ, настолько теперь казалось страшно.

VI.

Бѣлая Берель 11го августа. На ледникъ и обратно на почешку.

Погода стояла отличная, и мы часовъ въ семь отправились къ Берельскому леднику. Дорога по высокому берегу Берели отличная, и мы шли на полныхъ рысяхъ. При солнечномъ свѣтѣ долина казалась прелестной. Во всѣхъ мѣстахъ гдѣ растутъ *дубы*, то-есть дикій укропъ, кругомъ и около истоптано медвѣдями; во многихъ мѣстахъ видно было гдѣ они лежали. Барсуковъ замѣтилъ что ихъ тутъ такое множество, ровно скотъ пригнали; но мы, къ сожалѣнію, ни одного не видали. Скоро мы стали понемногу подыматься, все берегомъ же Берели, выше и выше; и окончательно вошли на карнизъ, какого еще не встрѣчали. Посмотрѣла я, да и велѣла Костѣ остаться на лошади; все же у горной лошади привычнѣе и звѣрнѣе нога. Карнизъ этотъ былъ въ четверть аршина шириной, прямо отъ него осыпь футовъ въ триста; у лошадки реветъ Берель, болѣе и болѣе свирѣпѣвшая по мѣрѣ прибли-

женія къ леднику. Съ другой стороны карниза крутая, почти отвѣсная гора; такъ что войдя на этотъ карнизъ, ни повернуть назадъ, ни соскочить съ лошади, въ случаѣ еслибъ она оступилась, немислимо; развѣ черезъ круль, но едва ли для насъ, новичковъ, такой экспериментъ возможенъ, потому что все-таки надо соскочить на площадь въ четверть аршина ширины. Карнизъ этотъ подымался и спускался, дѣлалъ небольшіе извороты, и въ одномъ мѣстѣ шелъ совсѣмъ наискось внизъ, да тутъ же лежала плита торчкомъ, черезъ которую лошадямъ надо было переступить. Костя шелъ очень хорошо, совершенно покойно, у него, какъ и у меня, голова не кружилась на высотѣ. Не дай Богъ, закружись голова, испугайся, дерни лошадь, или, просто, сдѣлай самъ неловкое движеніе, лошадь сдѣлаетъ невѣрный шагъ, оборвется, и тогда гибель неизбѣжная. Барсуковъ говорилъ что послѣ дождя идти по этому карнизу крайне опасно и надо идти лѣшкомъ, потому что лошадь скользить. У него сорвалась разъ лошадь въ этихъ мѣстахъ.

Съ этого карниза мы пошли все вверхъ косогоромъ, безъ тропинки, по совершенно зеленой горѣ. Тутъ вышины скоро сдѣлалась страшною надъ Берелью, но опасности сравнительно было гораздо меньше; тутъ не было отвѣсной кручи, и можно было, въ случаѣ несчастія, свернуться съ лошади и удержаться на горѣ, такъ какъ она покрыта густою высокою травой; или болѣе или менѣе безвредно, то-есть быть-можетъ и безъ смертельныхъ поврежденій, дѣйствовать кубаремъ внизъ по косогору.

Подымаемся мы все выше и выше, вдругъ Барсуковъ кричить: „Далѣ нельзя! Осыль! Поворачивайте вверхъ!“

Въ ту же минуту вижу, мужъ съ сѣдла долой и упалъ на траву. У него и такъ кружится голова на высотѣ, а тутъ еще былъ слишкомъ тепло одѣтъ, а главное, въ мѣховой шалкѣ; вѣроятно кровь бросилась ему въ голову, ему сдѣлалось совсѣмъ дурно. Казакъ и Барсуковъ подхватили его подъ руки, и такимъ образомъ онъ лежалъ нѣсколько минутъ; сняли гагастукъ, шалку, ему стало легче. Понемногу его довели, или доползли съ нимъ до того мѣста косогора гдѣ была возможность спуститься внизъ, стали спускаться или, вѣрнѣе, сползти къ рѣкѣ, косогоръ кончался рыхлою земляною осылью. Въ пятнадцать вышины, не болѣе, но совсѣмъ крутой. Костя, сойдя съ лошади, скатился внизъ довольно искусно.

Лошади осторожно, бокомъ, какъ-то особенно изогнувшись, переступаютъ по мягкой осыпи и катятся, или, вѣрнѣе, ползутъ вмѣстѣ съ ней; вовсе не такъ страшно, какъ казалось. Хуже всего на поворотахъ. Барсуковъ предложилъ идти нивомъ, замѣтивъ что только придется много разъ переходить Берель; рѣшили идти черезъ Берель. Четыре раза мы перешли въ бродъ. Видѣли около воды слѣды копытъ, какъ Барсуковъ называлъ, козловъ, но едва ли это не сайги. Всѣ были въ духѣ, болтали; я все дразнила Барсукова что онъ нахвасталъ, что покажетъ ледникъ; онъ защищался, наконецъ съ торжествомъ воскликнулъ:

— А это что?

— Гдѣ? Я ничего не вижу!

— Самый ледникъ и есть!

Между двухъ высокихъ горъ, неширокое ущелье было загромождено отлого повижавшейся сѣро-шоколадной массой, которая круто упиралась въ высокую, почти отвѣсную каменную осыпь, охватившую ее полукружіемъ и уходившую въ ущелья; подъ ней высились исполинскіе зубцы какого-то чуднаго кремня. На осыпи сверкала серебряная лента Берели. Это и былъ ледникъ съ своей конечной мореной. Величавая картина эта до того не сходна была съ тѣмъ какъ воображала я себѣ ледникъ, что я не вѣрила глазамъ, и вслухъ выразила свое сомнѣніе, чѣмъ и заслужила полное негодованіе Егора Титыча: „Что же это вы, барыня, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ Егоръ Барсуковъ хлопуша какая? Какъ же это я наврау!“ Мужъ, бывавшій на ледникахъ, подтвердилъ что это точно ледникъ.

Берегъ, по которому мы подошли къ леднику, снова значительно поднялся и противъ морены кончался такъ круто что нельзя было сойти; пошли искать спуска, обрѣли снова земляную осыпь, по подобію первой, и спустились такимъ же способомъ какъ съ перваго спуска. Берель изъ-подъ ледника падаетъ тремя каскадами, и у подножія морены разбивается на нѣсколько рукавовъ, очень не широкихъ, но такихъ бѣшеныхъ что Егоръ Титычъ, перебравшись черезъ одинъ изъ нихъ, закричалъ чтобы мы за нимъ не шли. Онъ пошелъ вверхъ, куда-то въ сторону по моренѣ, а мы отправились противъ нее правымъ берегомъ Берели, заваленнымъ большими камнями. Наконецъ на лошадяхъ стало идти совсѣмъ дурно.

Лошадей и казаковъ оставили тутъ, а сами стали карабкаться дальше, перескакивая съ камня на камень; мѣстами, поднявшись немного на крутой берегъ, противъ морены, находили родимую чернику, которую не видали съ выѣзда изъ Петербурга. Ж. и Османъ такъ увлеклись черникой что отстали отъ насъ. Наконецъ мы прошли то мѣсто гдѣ Берель падаетъ съ морены и круто поворачиваетъ влѣво. Тутъ стало возможно подняться по моренѣ къ леднику. Нельзя сказать чтобъ особенно удобно; огромные камни нагромождены одинъ на другой, да и круто. Карабкались мы долго; вода между камнями струится холодная, отличная. Нѣсколько разъ мы садились на камни, пили и смачивали себѣ голову; наконецъ добрались до ледника. Вблизи, сквозь сырую массу песка, такъ и сверкалъ ледъ; весь видимый намъ ледникъ состоялъ изъ громадныхъ глыбъ льда; верхнія массы льда, въ видѣ зубцовъ и башенокъ, мѣстами до того обтаяли что торчали въ видѣ шпилей; одна остроконечная ледяная башенка треснула вдоль и поперекъ, и стояла наклонившись совсѣмъ на сторону; какъ мы не желали пламенно чтобъ она рухнула при насъ, она стояла искривившись и будто поддразнивая. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ледъ подтаялъ снизу, и образовалъ родъ навѣса; въ другихъ мѣстахъ протаялъ круглымъ окномъ въ которомъ сквозилъ чистый, какъ стекло, ледъ; въ иныхъ мѣстахъ торчатъ иглами. Все это играло и сверкало на солнцѣ. Изъ-подъ середины ледника была Берель, и летѣла внизъ по моренѣ тремя каскадами.

Улѣршись въ противный берегъ, Берель круто поворачиваетъ влѣво, принимаетъ еще рукавъ, падающій съ праваго боку морены, катится уже рѣкой, нѣсколькими широкими руслами. Надъ головами, съ обѣихъ сторонъ ледника, сходились къ нему почти отвѣсными стѣнами, два снѣговые великаны и отъ нихъ расходились лѣсистыя горы Берельской долины. Поразительно хорошо!

Но солнце стало палить; ледникъ заигралъ, сразу повсюду зажурчали и заструились струйки и защелкали камешки.

Пора значить убираться! М. сказалъ что и Тиндаль со вѣтуетъ, какъ только заиграетъ ледникъ, уходитъ съ него чтобы не пристукнуло невзначай съѣхавшимъ камешкомъ; бываютъ они сажени въ двѣ въ квадратъ. Спускаться было еще менѣе удобно чѣмъ подыматься. Всего мы подымались и спускались по моренѣ три часа. Сойдя внизъ, я предложилъ

свои услуги быть вожакомъ,—вообразила себя въ нѣкоторомъ родѣ Второмъ Титычемъ. Сначала мое предложеніе и приняла, но дойдя до одного мѣста, я стала совѣтовать подняться въ гору, увѣряя что взобравшись на уступъ мы пойдемъ хорошею дорогою и избѣгнемъ ломанья ногъ по камнямъ, нагроможденнымъ внизу. Мужъ разрѣшилъ мнѣ идти новооткрытымъ путемъ, а самъ пошелъ старымъ; М. пошелъ съ нимъ, а Костя отправился за мной. Сначала пошли хорошо, но какъ же скверно мнѣ стало когда уступъ котораго я ждала, взбираясь, на высотѣ не оказалось, а осыпь пошла все круче и круче. Спуститься внизъ, назадъ, нельзя, скатиться какъ разъ на большіе камни, что торчатъ прядой внизу, а лѣзть на верхъ ужасно. Мы поползли на колѣняхъ и локтяхъ, изъ-подъ насъ такъ и катится осыпь, попробуешь схватиться за большой камень, а онъ кубаремъ внизъ. Боже мой, того и гляжу что сорвусь, а главное мой Костя. Помочь ему ничѣмъ не могу; приказываю только не останавливаться, не оглядываться назадъ. Не знаю какъ онъ, но я отъ тревоги и не чувствовала боли, хотя колѣнамъ и рукамъ доставалось жестоко. Приободряю его, а у самой душа замираетъ. Наконецъ осыпь пошла отложе, мы доползли до маленькихъ осевокъ. Тутъ уже безопасно! Выбравшись подальше между ними, мы съли отдохнуть. Отъ біенія сердца я чуть не задохнулась. Когда поотдыхались и поуспокоились, я отъ всей души перекрестилась. Еслибы нѣсколько минутъ тому назадъ тамъ на осыпи, меня приговорили разстрѣлять за то что я потащила ребенка на такую опасность, я бы не ликнула; а тутъ не успѣла вздохнуть свободно, стало томить непріятное сознание глупой неосторожности и ожиданіе непріятнѣйшей проповѣди. Выбравшись въ кустарникъ, мы долго путешествовали, пока добрались до нашихъ; между камнями тутъ росъ низкій соснякъ и множество черники, отъ которой мнѣ трудно было оторвать Костю, а путешествовать вдвоемъ тутъ не вполне удобно; можно наскочить и на звѣря, защиты же только маленькій револьверъ у меня на поясѣ, изъ котораго я и стрѣлять не умѣю порядкомъ. Завидя насъ, наши прислали намъ навстрѣчу лошадей. Спустившись къ нимъ, мы съли въ кружокъ въ тѣни большихъ кустовъ. Скоро подошелъ и Барсуковъ, онъ былъ на ледникѣ съ другой стороны; жаль что мы съ нимъ не сошлись, и не пошли взобраться на самый ледникъ; впрочемъ онъ говорилъ что это едва ли возможно.

Въ какіе-нибудь три часа Берель прибыла такъ что даже Барсуковъ, переправляясь назадъ съ морены, думалъ что пришелъ его послѣдній часъ; мы видѣли какъ его крутило. Противъ морены, между камнями, росла необыкновенная черная смородина; кустъ не болѣе полуаршина вышины; листья очень миниатюрные, и ягоды не вѣтками, а больше на стебляхъ; чрезвычайно душистая и смолистая.

Возвращались назадъ тѣми же бродами, теперь болѣе глубокоими и, слава Богу, благополучно. Всѣ пришли въ отлучное расположеніе духа; толковали, разказывали свои впечатлѣнія. Насъ поражало что птицъ здѣсь совсѣмъ не видно и не слышно. Подошли и къ знаменитому карнизу. Миновать его нельзя, а за мужа смертельно страшно чтобы не сдѣлалось съ нимъ дурно. Но дѣлать нечего, идти надо. Мужъ ни разу не взглянулъ внизъ и прошелъ благополучно. Не доходя версты четыре или пять до нашей стоянки, Ж. подѣхалъ къ намъ и замѣтилъ что хорошо бы подняться на гору у подножія которой мы шли; съ нея, говорятъ, видны и Катунскій и Берельскій ледники. Эта картина, при закатѣ солнца, должна быть великолѣпна. Я тотчасъ къ мужу; онъ разрѣшилъ, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы Барсуковъ шелъ съ нами. Барсуковъ былъ впереди; мы понадеялись что намъ его пришьютъ и тотчасъ стали подыматься въ гору. Охотниковъ, кромѣ меня и Ж., никого не оказалось. Долго шли мы зигзагами вверхъ, изрѣдка останавливались на минуту чтобы дать вздохнуть лошадямъ; приходилось скакать черезъ рывины на косогорѣ; у Ж. три раза рвалась подпруга, но какъ-то ни на что не обращалось вниманія; одно было желаніе—добраться до верху. Гора оказалась, однако, выше чѣмъ мы предполагали; мы не добрались еще до вершины, какъ солнце сѣло. Мы все-таки продолжали взбираться; поднялись, наконецъ, до послѣдняго уступа; еще нѣсколько сажень, и мы у самаго гребня; тамъ еще одинъ подъемъ, и мы достигли бы нашей цѣли. Но какъ часто бываетъ въ жизни, тутъ-то и оказалось непреодолимое препятствіе. Лошадь Ж. задохнулась и стала. Посмотрѣлъ онъ, видитъ дѣлать нечего; заставлятъ ее подыматься еще выше—невозможно; какъ ни было жаль, пришлось вернуться. Видя что очень стемнѣло, и боясь что будутъ о насъ беспокоиться, мы внизъ всю гору катили рысью, не-

смотря на то что у Ж. лошадь была измучена, а моя лягалась какъ осель, только ее тронешь нагайкой; вѣроятно благодаря только третьему рожку моего, превращеннаго въ мужское, дамскаго сѣдла, который служилъ мнѣ точкой опоры, я не перелетѣла ни разу черезъ голову. Спустились мы, сравнительно, очень скоро, если принять въ соображеніе усталость нашихъ лошадей. Версты за двѣ насъ встрѣтилъ старшина. Подъѣзжаемъ къ нашей стоянкѣ; темно совсѣмъ; костры ярко пылаютъ; около нихъ калашатся люди; чайникъ кипитъ; картина самая успокоительная и пріятная. Но Егоръ Титычъ только насъ завидѣлъ, заревѣлъ: „Куда это вы, Богъ съ вами! Да теперь черный звѣрь шляется! Темень какая. Да какъ же это можно!“

Услыхавъ возгласы Барсукова, и видя что мужъ лезитъ у костра, не поварачивая ко мнѣ головы, сообразила что должно-быть сильно о насъ тревожились. Видя что дѣло плохо, я поскорѣй скрылась въ юрту и легла спать. Въ просонкахъ слышала какъ рѣшили идти не на Рахмановскіе ключи, а на Язевое озеро и оттуда прямо въ кочевья Михайле. Ж. и Барсуковъ съ ночи отправились на поиски медвѣдя.

VII.

Хотонъ-Карагай, кочевья Михайле. Отъ Бѣлой Берели, черезъ Язевое озеро, 45 верстъ.

Мы шли Берельской долиной, спускаясь вдоль хребта который раздѣляетъ Берель отъ Катуня. Прошли небольшою перевалъ и пошли лѣсомъ. Берель ушла влѣво. При выодѣ изъ лѣса справа показалась Катунь, но къ сожалѣнію наменитаго ея водопада не видали. Пошли равниной по которой извивалась Язевка. Приходилось обходить и проходить большими болотами. Потомъ опять шли рощами; множество ключей, дорога кочевая, мѣста прелестныя! На лугахъ вѣло множество гинціанъ. Барсуковъ разказывалъ что они потребляютъ этотъ цвѣтъ какъ лѣкарство отъ кровавыхъ оносовъ; по его разказу, дѣйствіе настоя гинціанъ должно быть сильно наркотическое; когда его даютъ больному, онъ засыпаетъ, и все время что спитъ стараются ничѣмъ не тревожить совъ. Послѣ сна, по его словамъ, иногда съ одно-

го приѣма помогаетъ. Въ ихъ деревьяхъ, также какъ и въ Бухтармѣ и у насъ въ Семипалатинскѣ, въ лѣтніе мѣсяцы на дѣтей повальная болѣзнь—кровавые поносы. Въ Семипалатинскѣ и, какъ маѣ говорили, въ Бухтармѣ, большинство дѣтей умираютъ, а въ деревнѣ Барсукова въ это лѣто изъ двадцати больныхъ умирало восемь, девять, что составляетъ разительный контрастъ со смертностью у насъ.

Пройдя версты 20, мы пришли къ Язеву озеру; оно версты пять длины и около версты ширины. На противоположномъ берегу въ кедровникѣ на склонѣ горы стояла избушка, вѣроятно звѣровщиковъ. Пройдя озеро, мы поднялись на горку и остановились въ рощѣ. Какой видъ открывался отсюда! Я такого не видала! Язевое озеро лежитъ зеркаломъ въ зеленой долинѣ, уходящей на далекое пространство и обрамленной вѣнцомъ темныхъ лѣсныхъ горъ; изъ-за нихъ подымались красныя и фіолетовыя каменистыя вершины; на заднемъ планѣ, подымаясь надъ горами и завершая картину, бѣлѣла сверкала въ лучахъ солнца снѣговая красавица Бѣлуха. Берельскій и Катунскій ледники были совершенно видны.

Въ трубу хорошо было видно на Берельскомъ ледникѣ, зубчатомъ кремне, гладкое ледяное поле; на одномъ изъ уступовъ кремня лежалъ громадный камень. Жаль что онъ не съѣхалъ при насъ. Катунскій ледникъ, по словамъ Барсукова, отлогъ такъ что на него легко взойти.

Долго мы просидѣли на Язевомъ озерѣ, любясь прелестною картиной; наконецъ поднялись и пошли. Изъ озера снова вѣдала Язева и, пробѣжавъ около версты, падала водопадомъ сажень въ 8 вышиной. Около водопада мы спустились довольно крутымъ спускомъ, перешли Язеву и пошли лѣвымъ берегомъ. Еще видѣли тутъ другой водопадъ, летѣвшій между деревьями съ вершины горы. Намъ пришлось идти узкой долиной, по сторонамъ ея на горахъ былъ когда-то лѣсной пожаръ. Черныя, обгорѣлыя деревья стоятъ и лежатъ по горамъ и всей долинѣ; то и дѣло приходилось перескакивать черезъ нихъ. Раза два пришлось идти каменнымъ болотомъ.

Ягодъ была бездна, и намъ постоянно подносили вѣники смородины. Долго мы шли этой долиной; прошли рощу, въ которой встрѣтили Ж. и Барсукова, вернувшихся съ неудачной охоты; перешли въ бродъ Берель, и по широкой, величавой долинѣ направились къ кочевьямъ Михайле. Моя лошадь, тряская на рыси и брыкливая для скачки, оказалась

безподобной; мнѣ на такой еще не случалось ѣздить. Летитъ какъ птица и скачетъ какъ коза. Ж. торговалъ ее для себя, но Киргизъ ни за что не продалъ, говоря что готовить изъ нее бѣгунца (то-есть скакуна).

На другое утро мы выступили въ 6 часовъ утра. Много Киргизовъ насъ провожало; старикъ Михайле, несмотря на свои 82 года, на лошади просто молодець. Уркунча просилъ заѣхать къ нему въ гости; вещь весьма неприятная. Понятія объ опрятности у Киргизовъ весьма своеобразныя: какой-нибудь батырь или султанъ, въ жалованномъ халатѣ или казакинѣ съ эполетами, случается высморкается въ полу казакина, а потомъ этой же полой вытереть и чашку, въ которой подаетъ вамъ воду.

Отъ Михайле мы пошли безподобной мѣстностью, и хотя намъ встрѣтились карнизъ и крутой спускъ, но далеко не Берельскій и не Рахмановскій. Спустившись со спуска, мы пошли рощами. Такая прелесть что невозможно передать, просто рай земной! Наконецъ прошли мы и къ обиталищу жителей этого эдема. Кругомъ юрты цѣлое собраніе Киргизовъ. Байбиче, то-есть жена, Уркунчи встрѣтила насъ и помогла мнѣ сойти съ лошади. Юрта, какъ обыкновенно, убрана коврами, вышитыми полотенцами, на нѣкоторыхъ узоръ замѣчательно похожъ на нашу русскую вышивку лѣтниками. Кругомъ деревянная рѣшетка, составляющая остовъ юрты, сундуки въ видѣ дивановъ, покрытые коврами и курле, то-есть шелковыми одѣялами. Мы сѣли рядышкомъ по одной сторонѣ юрты, байбиче и дѣти Уркунчи; народу набралось цѣлая юрта, и всѣ, присѣвъ на корточки, глядѣли на насъ во всѣ глаза. Уркунча поставилъ посреди юрты огромную деревянную чашу съ мѣдными ручками для кумыса. Старшая дочь его, довольно красивая дѣва, супорила (лѣвила) кумысъ въ сабѣ (большой кожаный мѣшокъ изъ бычачьей или верблюжьей кожи, въ которомъ заквашивается кумысъ). Кругомъ большой чаши разставили фарфоровыя маленькія, въ родѣ нашихъ полоскательныхъ; налили кумысъ изъ сабы въ чашу; изъ чаши Уркунча черпалъ ковшомъ, въ родѣ нашего суповаго; началось подчиванье; несмотря на невыносимый жаръ и жажду, зная приготовленіе кумыса, я не рѣшилась пить. Около дверей юрты выставили тоже чаши съ кумысомъ для казаковъ. Потомъ мы хотѣли поподчивать хозяевъ чаемъ, но Уркунча не допустилъ. Заварили чай, нельзя сказать чтобы

въ привлекательномъ чайникѣ; Уркунча достала изъ сундука сахаръ и собственноручно накололъ. Отъ чая отказаться было невозможно. Османъ, зная меня, достала нашъ калмыкъ-башъ (походной погребецъ, полушаромъ, въ который укладываются чашки, въ родѣ маленькихъ полоскательныхъ, — отличная вещь для коннаго путника) и подалъ чай въ нашей чашкѣ; но вкусъ чая отвратительный, вѣроятно или алтай-чай, то-есть баданъ, или кирпичный. Сдѣлавъ нѣсколько времени видъ что лью, я передала байбиче Уркунчи свою чашку; кстати, у Киргизовъ это считается утонченнѣйшей любезностью. Послѣ чаю Османъ принесъ ящикъ съ конфетами въ золотыхъ бумажкахъ и съ картинками. Я стала одѣлать дѣтей Уркунчи; одному дитятѣ было лѣтъ 17ть, да и старшая дочь была въ числѣ дѣтей. Всѣ они съ величайшимъ удовольствіемъ разсматривали конфеты. Нѣсколько человекъ изъ киргизской публики подскочили къ нимъ безъ церемоніи, выхватили по конфетѣ, и, посмѣиваясь, снова усѣлись на корточки. Начались хорошія рѣчи: Уркунча говоритъ любезности, Османъ переводилъ по-русски; мужъ отвѣчалъ такими же, и Османъ переводилъ по-киргизски. Жена Уркунчи поднесла мнѣ аршинъ шесть канфы; Костѣ досталось тоже около шести аршинъ шерстяной матеріи, а сынъ ихъ подвелъ Костѣ кунана, то-есть двухгодоваго жеребенка. Османъ принесъ наши подарки: Уркунчѣ — сукна на халатъ; ему и его брату, шитые золотомъ аракчины (шалочка на головѣ); женѣ и старшей дочери ситцу на платья, а Костя отдалъ сына серебрянымъ стаканомъ; всѣмъ остальнымъ дѣтямъ роздали по нѣсколько двугривенныхъ. Поговоривъ еще другъ другу любезностей, вышли изъ юрты; сама байбиче держала мнѣ стремя и помогала сѣсть на лошадь. Аманъ, аманъ, аманъ! Пожали другъ другу руки, и отправились дальше. Верстахъ въ двухъ отъ юрты встрѣтили стадо яковъ. Корова длинна, но не высока, комолая, съ длинной, волокнистой шерстью, какъ у болонки, и великолѣпный, длинный, пушистый, лошадиный хвостъ. У быка громадные, по росту, рога, и онъ не мычитъ, а какъ-то хрюкаетъ. Почти все стадо свѣжно-бѣлое, удивительно красивое. Скоро мы дошли до Бухтармы, въ этомъ мѣстѣ далеко не такъ глубокой, какъ на первомъ броду. Отъ Михайле за нашими лаучами (верблюдовожатые) побѣжала собака; я очень боялась что она утонетъ при переходѣ въ бродъ, но звѣрь казался бывалый. Перейдя бродъ, сошли съ лошадей, и расположились въ рощѣ,

на берегу. Такъ какъ большинство выѣхало отъ Уркунчи голодное и жаждущее, стали разводить огонь и грѣть чайникъ. Барсуковъ съ двумя казаками отправился неводить. Барсуковъ завозилъ неводъ на лошади, а казаки тащили съ другой стороны. На лошадяхъ мы прошли этотъ бродъ почти не замѣтивъ его, а пѣшихъ такъ и сбивало съ ногъ, такъ и тащило. Тутъ я уразумѣла несостоятельность разказа который я только-что прочитала въ одномъ изъ журналовъ объ американскихъ героиняхъ: какъ одна пятнадцатилѣтняя дувушка отправилась ночью въ путь, чтобы передать делену въ свой лагерь, и что она перешла ночью, въ бродъ по затылокъ, быстрюю горную рѣчку. Это такой подвигъ что ни на русскихъ, ни на американскихъ ногахъ не совершишь, какъ ни героичеству; дѣло совершенно невозможное; кто писалъ это вѣроятно никогда не видалъ быстрыхъ, горныхъ рѣчекъ.

Два раза ходили съ неводомъ, но ничего не поймали. Перешли еще разъ Бухтарму; этотъ бродъ былъ серьезнѣе. Собака меня совсѣмъ сокрушила; къ намъ, Русскимъ, неидеть, а Киргизамъ не могу растолковать чтобы взяли ее на лошадь. Но собачка обошлась собственнымъ умомъ и опытомъ; стоитъ на берегу и выжидаетъ; какъ пошли верблюды въ воду, она забралась еще выше ихъ и лустилась, такъ что, вслѣдъ за верблюдами, выбралась на отмель; отдохнувъ, повторила тотъ же маневръ, но тутъ ее потащило; она не шелохнется, такъ и несетъ ее бокомъ, какъ бревно; я лоскакала съ Османомъ по берегу чтобы гдѣ-нибудь попробовать ее перехватить; но она опять сама распорядилась; не тратя силъ напрасно, несла бревно до удобнаго мѣста, тутъ сразу стала выбиваться и выбралась на берегъ. Видно ей дѣло знакомое.

Скоро пошли Бухтарминской долиной; какъ она ни хороша, но до того однообразна что будто съ мѣста не сходишь. Далеко отъ своихъ увязать нельзя, и потому скорость ѣзды ни къ чему не ведетъ; проскачешь, а тамъ стой и жди. Костя носилъ по долину на высокой бѣлой лошади, на которой онъ сидѣлъ какъ воробей на крышѣ, и пытался ловить перелетовъ, которыхъ тутъ множество; разумѣется всѣ его ухищренія были тщетны. Ж. отправился съ Барсуковымъ въ лѣсъ въ чащи встрѣтить марала или сайгу.

Жаръ стоялъ невыносимый; и до того надоѣла эта долина съ своею роскошною обстановкой и великолѣпною колесною дорогою что жалъ стало подъемовъ, спусковъ и бродовъ. Одно-

образно; солнце палитъ; мы тащимся шагомъ за шагъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Казаки вяло тянутъ лѣсны: простушамъ больно.

Наконецъ солнце догадалось убраться; мы вздохнули свободно, и тутъ же, какъ на зло, вошли въ рошу, тогда какъ весь день шли солнцелюкомъ. Въ этой рошѣ намъ попала горка вся усыпанная клубникой; тотчасъ съ лошадей долой и на подножный кормъ. Ж. и Барсуковъ выѣхали на это мѣсто. Имъ попался въ лѣсу великолѣпный козелъ, но ушелъ. Они разказывали намъ что видѣли недалеко въ лѣсу цѣлую бездну смородины, кружной какъ вишня. Ж. сталъ подговаривать насъ туда ѣхать. Мы не рѣшались, и говорили ему что онъ дѣйствуетъ какъ змій, но, однако, змія послушались съѣли на лошадей и поѣхали за нимъ. Смородина росла въ лѣсу по другую сторону рѣчущки, бывшей въ этомъ мѣстѣ по болшимъ камнямъ такимъ каскадомъ что первую минуту мы осадили лошадей; но видя какъ Ж., не задумываясь, вскопчилъ въ каскадъ и благополучно выскочилъ на другой берегъ, я переправилась за нимъ, потомъ онъ перевелъ на чумбурѣ Костю. Набравъ ягодъ, мы вернулись къ нашимъ. Мѣсто гдѣ расположились на ночевку, около зимовки Уркучи, прелестное. Бухтарма, широкая въ этомъ мѣстѣ, съ шумомъ падаетъ съ уступа, и около нашего берега быстрина такая что стою около воды смотрѣть страшно; голова кружится; по обоимъ берегамъ растутъ высокія деревья. Вся зеленая долина кажется замкнутой кругомъ высокими горами, такъ что М. оглядѣвшись на всѣ стороны, воскликнулъ: „Да какъ же это мы сюда вошли!“

Все общество разсѣялось на самомъ берегу и стало забавляться бросаньемъ камней въ воду. Османъ и Ж. таскали такіе насколько хватало силъ поднять, и бросали въ воду судя по звуку съ которымъ они падали, можно заключить что тутъ очень глубоко. Мы хохотали на ихъ соревнованіе, и только заботились чтобы вслѣдъ за камнями они сами не кувыркнулись въ воду.

VIII.

15го августа, рѣчка Урыль, отъ зимовки Уркучи 30 верстѣ.
Чингистай, отъ Урыла 25 верстѣ.

Выступили въ 7 часовъ утра, пока солнце не поднялось высоко, и шли перелѣсками; идти было наслажденіе. Невозможно передать животворную свѣжесть воздуха, переливы свѣта и бѣны сквозь густую листву; блескъ и прелесть цвѣтовъ и богатыхъ травъ сверкающихъ отъ росы; радужную игру солнечныхъ лучей въ ревущихъ каскадахъ; это такая гармонія, такая прелесть; чувствуешь только какъ глубоко проникается все существо неизъяснимымъ чувствомъ радости, довольства, счастья,—именно душа поетъ.

Но часа черезъ два вышли на ту же долину по которой шли сюда, и точно нарочно, опять въ полдень; томилась отъ жару ужасно. Выѣзжали здороваться Киргизы, и разумѣется подчивали кумысомъ. Наконецъ, ко всеобщему удовольствію, стали подниматься въ гору; снова пошли перелѣсками, и отдохнули отъ зноя. Дорога отличная; небольшіе подъемы, хорошіе спуски, цвѣты, ягоды, идешь точно паркомъ. Егоръ Титычъ разказывалъ какъ они управлялись, прежде, въ этихъ мѣстахъ, съ Китайцами.

—Иду, этта, я этой самой долиной, говоритъ онъ,—веду лошадь въ поводу, потому маралиху убилъ и навьючилъ на лошадь. Вдругъ шесть Китайцевъ обступили, ухвали кто меня, кто коня. „Ты чего ходишь по нашей землѣ?“ — Вижу: безоружные. У меня винтовка, а стрѣлять въ нихъ нельзя. Вотъ я и говорю: подержите коня, а меня лустите, мнѣ только жердину вырѣзать. Пустили. Я стою, вырѣзаю эвою дубинищу, а они стоятъ, смотрять; я ее отъ вѣтвей очистилъ, пошелъ, да какъ бацну по лалыцамъ того что лошадь держалъ. Онъ заревѣлъ, поводъ бросилъ; а я ихъ и принялся лустить; сначала все тонкимъ кондомъ, а потомъ комлемъ. Они въ разныя стороны. „У!“ кричатъ. Не знали мы что ты такой медвѣдь! Я взялъ лошадь и повелъ; они въ меня камнями швыряютъ; я пошелъ, пошелъ болотомъ, такъ и ушелъ. А то вотъ еще нашихъ нѣсколько человекъ захватили Китайцы на Чингистай, и лотащили. Мы, говорить, представимъ васъ

нашему начальству. Постои! думаетъ одинъ; сталь у дерева и царалаетъ кожомъ, а самъ безграмотный. Это, говоритъ, чтобы наше начальство знало что вы съ нами сдѣлали. Что-то промежь себя посудили, „ну, говорятъ, идите; ну васъ! Пошли наши и видятъ какъ Китайцы скребутъ съ дерева что нашъ-то нагородилъ! Хохотали же наши!

Ягодъ всю дорогу было столько что весь отрядъ ѣхалъ вѣниками смородины; между прочимъ тутъ была смородина вѣдомъ листьевъ, вкусомъ и вѣдомъ ягодъ — красная, а цвѣтомъ совершенно черная.

Не знаю почему этотъ отличный, небольшой переходъ (всего 30 верстъ) видимо утомилъ всѣхъ. Казаки время отъ времени затыгивали лѣсны, но тоже сонно, вяло и тянули за душу.

На Урылѣ мы пришли часа въ четыре. Разставили юрты на берегу, на очень красивомъ мѣстѣ; мученье было только въ томъ что весь лугъ поросъ колючками, коловшими сквозь ботинки; весь мой атласный бешметъ покрылся ими.

Напившись чаю, предложили устроить карточную игру въ ожиданіи обѣда; а ожидать его скоро было нельзя, такъ какъ въ блюдо съ кухней и провизіей, сочувствуя общему утомленію, легъ не доходя вѣсколькихъ верстъ, и съ обычною кротостью и стойкостью и упорствомъ отказывался идти, какъ его ни дергали за проткнутый носъ. Послали перевѣзывать съ него на лошадей. Усѣлись мы на коверъ, поставили вмѣсто стола ящикъ; Баруковъ подсѣлъ тоже къ намъ, посмотрѣвъ какъ это въ карты играютъ. Сначала преферансъ не имѣлъ на меня обычнаго, свотворнаго дѣйствія; смѣялись и болтали, но послѣ четырехъ туровъ, силъ моихъ не стало; я положила подъ голову мѣховой бешметъ и продолжала преферансъ лежа, ожидая только блаженной минуты когда мнѣ сдавать карты, и сдавая ихъ, тотчасъ закрывала глаза. Горе въ томъ что безъ обѣда нельзя спать нельзя, не хватаетъ силъ на завтрашній переходъ, а утромъ кромѣ чаю съ сухарями ничего не добудешь.

На другой день мы отправились на Чингистай; день былъ снова жаркій, и мы порядочно испеклись, пока добрались до мѣста. Дорогой изъ лѣса, въ подгоры, выскочили два козла и проскакавъ вѣскольکو сотъ сажень предъ нами, скрылись въ ущелье. На Чингистай насъ встрѣтилъ старшина Чумикейнъ братъ его Байчура и пр.

Мѣсто гдѣ разставили юрты—славное; усѣянный цвѣтами

уть идетъ отлогимъ спускомъ, верстъ на пять, до Бухтармы; о берегу ручья, бѣгущаго съ горъ, черезъ лугъ до рѣки, заросъ густой тьяль. Къ горамъ лугъ кончался густымъ кустарникомъ; за нимъ большой, зеленый уступъ и лѣсистыя горы.

Къ намъ присоединилось еще трое звѣровщиковъ, сосѣдей Барсукова, изъ деревни Фыкалки. Тоже славный, развитой народъ, привыкшій и умѣющій жить зажиточно и самостоятельно. Напримѣръ, здѣсь выгодно вести торговлю съ Китаемъ молодыми маральми рогами, пока они мягки. Въ Фыкалкѣ, стоящей въ горахъ выше другихъ деревень, устроены, какъ крестьяне называютъ, садъ, въ которомъ головъ тридцать мараловъ. Садъ этотъ въ самой чернети, то-есть вустомъ лѣсу, и окруженъ на пять верстъ бревенчатою стѣной, въ полторы сажени вышины. Каждую весну хозяева этихъ мараловъ спливаютъ имъ молодые рога, когда они еще налиты кровью; потомъ замѣчиваютъ, и такимъ образомъ каждый мараль даетъ ежегодно порядочный доходъ.

Замѣчательно съ какимъ любопытствомъ и толкомъ звѣровщики разсматриваютъ специальную карту края; и такъ какъ каждый изъ нихъ знаетъ этотъ край въ совершенствѣ, то дѣлаютъ замѣчанія, указываютъ невѣрности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ здѣшнемъ краѣ былъ сильный падежъ скота. Въ Фыкалкѣ не пало ни одной головы: крестьяне сами, безъ всякаго вмѣшательства начальства, устроили строгій карантинъ, и спасли весь свой скотъ. Съ Киргизами у нихъ частыя исторіи за баранту; недавно было еще время когда убить Киргиза было такъ же просто какъ убить звѣря.

Привычка жить въ лѣсу до того прививается къ звѣровщикамъ что дѣлается необходимою потребностью. Мы встрѣтили старика лѣтъ семидесяти съ молодымъ звѣровщикомъ; какъ-то разговорились съ нимъ, и выразили что въ его лѣта эта жизнь должна быть очень трудна.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ старикъ:—какъ придетъ время идти на промыслы, такъ ни мнѣ, ни моей лошади не спится подъ кровлей.

Узнавъ что мы идемъ чрезъ Курчумъ на Черный Иртышъ, пріѣхавшіе трое звѣровщиковъ стали просить позволить имъ идти съ нами, говоря что они идутъ къ неподданымъ Россіи Киргизамъ хлопотать чтобъ имъ отдали незадолго отбарантованныхъ 37 лошадей.

Разумѣется имъ позволили. Долго звѣровщики забавлялись,

разсматривая и стрѣляя изъ нашимъ револьверовъ, чрезвычайно имъ понравившихся; особенно они одобряли ихъ для медвѣжьей охоты.

Послѣ обѣда пошли гулять въ горы. Нельзя сказать чтобы было особенно пріятно пробираться, до перваго уступа, между талымъ и огромными кустами китайской крапивы и репейнику. Шли мы цѣлый часъ, а до горъ все не добрались, пошли тропинкой по ущелью. Здѣсь, какъ и вездѣ гдѣ растетъ дикій укроль, много медвѣжьихъ слѣдовъ, а медвѣдей нѣтъ. Хотѣлось намъ дойти до лѣсу, но это оказалось невозможнымъ: солнце было очень низко, и мы пошли назадъ. Когда подходили къ нашей стоянкѣ, солнце совсѣмъ скрылось, и только розоватый отблескъ остался на небѣ. Внизу въ нашемъ лагерѣ жизнь кипѣла: горѣли костры, около толпились люди; Киргизы, казаки, сидящіе въ кружкахъ около огня, составленное въ сошки оружіе, юрты, большой табунъ лошадей, — все это вмѣстѣ, съ прелестною декорациею вокругъ, составляло чрезвычайно красивую картину. До насъ долеталъ говоръ и смѣхъ; но какъ я ни пѣла что „иду въ зеленый лугъ“, а на дѣлѣ на него не попала: ручей отдѣляющій насъ отъ нашего лагеря оказался слишкомъ толокъ чтобы перескочить черезъ него, и слишкомъ глубокъ чтобы перейти въ бродѣ. Всѣ обладающіе высокими сапогами пошли по морю какъ по суху; переѣзжать на Киргизѣ я не рѣшилась, а попросила у него лошадь, и была оной доставлена по принадлежности.

У юртъ, на коврѣ, Османъ разливалъ чай; вся публика сидѣла вокругъ, а Костя и Ж. бѣгали и возились; Костя леталъ отъ него по высокой травѣ точно заяцъ, и хотя и вопилъ во весь голосъ, но очевидно былъ совершенно счастливъ.

IX.

*17го августа, чрезъ Пуршатскій перевалъ, урочище Тор-
дѣиръ, отъ Чингистая 30 верстъ.*

Утромъ, только мы встали на Чингистаѣ, пришли доложить что Чумикей просить насъ принять лошадей которыхъ онъ для насъ привелъ. Его поблагодарили, насыпали ему въ руку мелкаго серебра, но лошадей не приняли, такъ какъ у насъ не было болѣе съ собою ничего чѣмъ его отдарить. Чумикей сталъ было входить въ обиду; тогда ему сказали что хотя

знають что у нихъ въ обычаѣ мѣняться подарками, но въ послѣднее время замѣчено что подъ видомъ подарковъ ихъ обирають, почему просили передать всемъ Киргизамъ чтобъ они никому никогда не давали ничего, кромѣ подарковъ которыхъ слѣдуютъ по закону.

Изъ Котонъ-Карагайскаго отряда привели свѣжихъ лошадей для казаковъ и привезли провiантъ. Намъ тоже привезли хлѣба; послѣднее время мы сидѣли на однихъ черныхъ сухаряхъ, съ приправой неизмѣнныхъ баранины и чая.

Тутъ же мы получили почту, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ выѣхали изъ дому; узнали о войнѣ Франціи и Пруссіи, и отправили свои письма домой. Всѣхъ сильно заняла война, даже звѣровщики интересовались и спрашивали. Съ Егоромъ Титычемъ мы тутъ простились: онъ отправился въ Бѣлую, къ себѣ въ деревню, чтобы заняться хозяйствомъ, и потому, пока есть еще въ горахъ дорога, начать дѣлать запасы хлѣба въ лѣсныхъ избушкахъ, на время промысловъ. Съ нами пошли три звѣровщика и Киргизы Байчура и Полковой. Звѣровщики предложили идти не чрезъ Курчумъ, гдѣ, говорили они, придется переходить много каменныхъ болотъ, идя все время по вершинамъ, что будетъ очень холодно и идти дурно; потому лучше прямо спуститься на озеро Маркакуль и пройти вдоль берега до истока Колджира, гдѣ насъ встрѣтитъ часть Майтерекскаго отряда и смѣнятся сопровождавшіе насъ казаки.

Прямо съ Чингистая стали подыматься на тѣ горы къ которымъ ходили вчера. Выступили на свѣжихъ лошадяхъ; казаки дружно, славно пѣли; очевидно всѣ чувствовали себя бодро и весело. Въ горахъ было еще холодно, но яркое солнце обѣщало скоро обогрѣть.

Поднявшись лѣсистымъ подъемомъ на первый уступъ, мы пошли кедровымъ и лиственничнымъ лѣсомъ, продолжая подыматься. Вдругъ слышимъ казаки хохочутъ, оглянулись: казакъ сидитъ съ одурѣлымъ видомъ на землѣ, а лошадь изъподъ него ушла. Онъ зазѣвался, и его сукомъ кедрового дерева выбило изъ сѣдла. Казаки долго этимъ потѣшались. Потомъ я чуть не послѣдовала его примѣру: стала вкладывать цвѣтокъ въ книжку и бросила свой зонтикъ устроенный на нагайкѣ; онъ сталъ болтаться на шнурѣ съ боку, лошадь испугалась и стала бить, но дѣло окончилось благополучно. Сквозь чащу лѣса, когда мы выходили изъ него, виды открывались велико-

лѣльные: вся Бухтарминская долина была предъ нами. Наконецъ начался настоящій подъемъ, какъ говорили заранѣ звѣровщики, очень трудный, особенно для верблюдовъ. Крутизна страшная, а весь подъемъ заваленъ огромными камнями, по которымъ должны карабкаться лошади. Карнизъ тутъ не большой и довольно широкій, но надъ отвѣсною стѣной тысячи въ двѣ футовъ. Всѣ у кого лошади послабѣе, или у кого кружится голова, спѣшились. Взобравшись, дали лошадямъ вздохнуть и пошли равниной, гдѣ, несмотря на полдень, было очень холодно; во многихъ мѣстахъ кругомъ лежалъ снѣгъ. Прошли мы мимо озера, саженъ сто длины и саженъ 15 ширины, лежащаго въ довольно глубокой котловинѣ; на немъ плавали утки. Здѣсь говорятъ что этому озеру дна нѣтъ; окраины его затягиваетъ болото; бѣда попасть въ эту трясику. Наконецъ поднялись мы и до Бурхатскаго перевала; по мѣрѣ подъема, какія-то встрепанныя, низенькія, кривыя или просто лежація хвойныя деревца. У стоящихъ всѣ сучья растутъ въ одномъ направленіи, именно по главному направленію вѣтра. Каменистая мѣстность покрыта сланцевыми сопками, но между небольшою травкой, во множествѣ цвѣли прелестнѣйшіе Иванъ да Марья, чрезвычайно крупныя, одного, ярко палеваго цвѣта; были тутъ и гинціаны, но не синія, а бѣлыя. Холодный вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Звѣровщики говорили что когда здѣсь задуетъ, да со снѣгомъ, такъ и Боже избави, лошадиныхъ ушей не увидишь. Пройдя еще немного, они пригласили насъ посмотреть назадъ. Мы повернули лошадей и стали какъ очарованные. Опять она, наша красавица Бѣлуха, но теперь уже во всемъ своемъ величіи, блистая серебристой бѣлизной своихъ шпилей, она ярко вырѣзалась на синемъ фонѣ неба и вѣначала разбившіяся во всѣ стороны отъ ея подножія на необозримое пространство горы и долины Алтая. Этотъ исполинскій ландшафтъ, эта громада божественной, вѣчной красоты, насъ, уже привыкшихъ за это время къ грандіознымъ и чуднымъ картинамъ, совершенно поразила. Долго, долго стояли мы всѣ молча.

Еще нѣсколько времени мы продолжали подыматься отлогими, незамѣтными подъемами и наконецъ пришли на самый перевалъ; на гребнѣ высокой солки стоятъ пограничныя столбы, то-есть большія груды камней съ однимъ камешкомъ торчащимъ на верхушкѣ ребромъ. Спустившись съ этого гребня, мы были уже за границей, въ Небесной Имперіи. По

небольшому отлогому спуску дошли до рѣчки Тарбагатай и тутъ остановились на привалѣ. Согрѣвшись чаемъ и закутавшись кто какъ могъ, пошли дальше: пришлось перейти нѣсколько ручейковъ, бѣгущихъ въ глубокихъ, каменныхъ берегахъ. У Кости лошадь поскользнулась и упала на бокъ; догадался ли онъ сбросить стремяна, или такъ вылетѣлъ счастливо, но лошадь придавила ему только кончикъ сапога, по его собственнымъ показаніямъ; отлетѣлъ онъ не на камни, а на траву, такъ что не ушибся. Скоро дошли до рѣчки Кара-Каба, что значитъ Черная Кусака; Русскіе же зовутъ ее *Сорва*, отъ того, поясняя намъ звѣровщикъ Ларіоновъ, что она срыгаетъ человѣка съ лошадью. Кара-Каба течетъ въ узкомъ ущельѣ, но по берегамъ такіе же богатые луга, какъ и по Бухтармѣ и Берели, и тѣ же горы, покрытыя до половины лѣсомъ. Въ Кабѣ бездна ускучей, родъ нашей форели. Ж., взявъ удочки, отправился съ однимъ изъ звѣровщиковъ удить. Черезъ часъ мы поравнялись съ нашими рыбаками, у нихъ уже болталось на веревочкѣ нѣсколько великолѣпныхъ ускучей. Перешли Кара-Кабу въ бродъ и пошли лѣвымъ берегомъ. Ущелье стало суживаться больше и больше. Проводники толковали что гдѣ-то скоро будетъ хорошее мѣсто для ночлега. И какъ бывало приставали къ Барсукову: скоро ли придемъ на мѣсто? такъ теперь стали обращаться къ Ларіонову: „Ларіоновъ, скоро придемъ?“ „Скоро, барыня, скоро; вотъ какъ этотъ выетупъ пройдемъ, да эти щеки подойдутъ, тутъ и есть.“ Но щеки долго не подходили, и наконецъ когда онъ, или вѣрнѣе, мы къ нимъ подошли, то мы представляли плачевную картину, всѣ синіе и заочевѣлые отъ холода. Пока пришли верблюды, то-есть тепло, въ видѣ чая и юртъ, мы ходили взадъ и впередъ по долину и грѣлись этимъ способомъ. Я видѣла омутъ на Кара-Кабѣ; должно-быть очень глубокій. Что только доплыветъ до него, разъ попавъ, начинаетъ безконечно кружиться. На самомъ берегу рѣчки стояла громадная, сухая лиственница, кругомъ ее кулой росли ели и пихты. Какъ во время жажды только и мечтаешь о водѣ, такъ и тутъ замерзая, мы готовы были поклоняться огню; я поразмыслила вслухъ что вотъ бы хорошо зажечь эту сухую лѣсину. Сочувствіе къ огню было вѣроятно общее; въ одну минуту, подъ предводительствомъ, Ж. и Османа, запылалъ около лиственницы костеръ; съ ихъ легкой руки, всякій тащилъ то что можетъ въ костеръ. Смотримъ, и казаки пристали, подрубили другую

громадную сухую лѣсину, повалили ее, съ хохотомъ и крикомъ притащили въ огонь. Расходились, побѣжали рубить; такъ цѣлкомъ и валять въ костеръ. Огонь сразу охватываетъ смолистыя иглы. Снова кричать: „Помогите братья!“ Еще тащить лѣсину. Это, говорятъ, кочерга, огонь ворошить!

Такой развели костеръ что небу становилось жарко, и мы какъ какіе-нибудь огнепоклонники, сидѣли около него кругомъ. Въ сумерки стволъ лиственницы зардѣлся, и огонь побѣжалъ по сучьямъ. „Вали еще съ этой стороны! Тутъ еще не горитъ!“ И опять масса елокъ летитъ въ огонь.

— Отойти ребята! зашаталась!

Всѣ отбѣгутъ и смотрятъ, ожидая — вотъ рухнетъ; а она себѣ стоитъ да стоитъ.

— Молчите, я ее арканомъ! вызвался молодой казакъ.

Навязалъ камень на конецъ веревки, замоталъ его и пустилъ; арканъ взвился и какъ змѣя обвился вокругъ большого сука.

— Ну, ребята, тащи!!

Потащили; арканъ лопнулъ, и всѣ разлетѣлись кто куда. Хохоту было безъ конца. Когда совсѣмъ стемнѣло, огромная лѣсина горѣла удивительно красиво; весь стволъ былъ огненно-прозрачный, по сучьямъ змѣйками перебѣгало синеватое пламя. Началась новая забава, сбивать лѣсину камнями. Чуть не весь отрядъ занялся съ такимъ одушевленіемъ, что приходилось унимать: „Тихе!“ „Въ рѣку не сорвись!“ „Въ голову кому-нибудь не угоди!“ Кто-нибудь пуститъ камень, онъ пролетитъ между сучьями и бухнетъ въ воду. И снова взрывъ хохоту и шутки надъ бросившимъ; за то, если кто собьетъ большой сукъ, въ который давно мѣтили, кричать и гвалтять, точно Богъ знаетъ что случилось.

— Рябята! огонь ворошить! Давай кочергу-то!

И нѣсколько человекъ пристроившись къ срубленной лѣсинѣ начинаютъ шевелить ею костеръ и бить какъ тараномъ въ горѣвшую лиственницу; та всякій разъ дрогнетъ, и огненный дождь посыллется съ нее.

— Эка, стоитъ!

Бросили; надоѣло. Послѣ обѣда всѣ разошлись по юртамъ, казаки пролѣли „Отче нашъ“, и весь отрядъ, кромѣ часовыхъ погрузился въ сонъ.

X.

17 августа, урочище Теректы близъ станціи Маркакуль.

На слѣдующее утро смотримъ: стоитъ наша лѣсина. Оказалась она такой толщины что одна только половина ея сгорѣла, а та что надъ рѣкой цѣла и вѣрно простоятъ до слѣдующаго подобнаго костра. День былъ сѣренькій. Время отъ времени перепадаетъ дождь и было холодно. Сначала шли гѣмъ же ущельемъ по берегу Кара-Кабы; дорога хорошая, и Ларионовъ разказывалъ розказни. Очень хвалилъ Барсукова и особенно его покойную мать: „Умный, справедливый была человекъ, честная душа. Пока жива была, сынъ не хотѣлъ и жениться; да у насъ рано и не женятся, барыня; вотъ и я, и вотъ другой что съ нами, мы поздно женились; а вотъ этому молодцу, холостой онъ,—а ужъ тридцать пять годовъ.—Вѣдь такая жизнь наша; съ одиннадцати годовъ отцы приучать начинаютъ, съ собой промышлять берутъ.“

— У тебя, Ларионовъ, есть дѣти!

— Какъ же, барыня есть, четверо есть. Сыну одиннадцать лѣтъ. Мать не дала, — а я его взялъ; ходилъ со мной бѣлокъ промышлять, мараловъ, козловъ.

— Хорошо стрѣляетъ твой сынъ? У тебя вѣдь винтовка тяжелая.

— Хорошо, ничего, хорошо и бѣлку и всякаго звѣря.

— А какъ, обратился Ларионовъ къ другому звѣровщику,— намъ какъ будетъ *сполитичинъ* пройти-то?

— Такъ и идти, тутъ хорошо.

— Карнизомъ или бродомъ?

Мы взглянули, карнизъ хуже Берельскаго, такой же узкій, съ такой же горой въ видѣ стѣны съ одной стороны и вдвое большей осылью съ другой.

— Не хорошъ этотъ карнизъ, не хорошъ; въ эту пору еще ничего, а весной, когда скользко, совсѣмъ опасный, тогда и броду нѣтъ, тутъ ходимъ; лѣшкомъ идемъ, а лошадь въ воду, этой весной кобыла наша сорвалась; выючная была.

— Убилась?

— Убилась, какъ же, убилась.

Звѣровицики повели насъ въ бродъ, и миновавъ карниз снова перебрали на правую сторону. Скоро мы подошли другому карнизу; этотъ былъ гораздо ниже, шире и безопытнѣе Берельскаго.

Тутъ произошло сильное недоразумѣнiе: идти ли карнизомъ или бродомъ. У однихъ кружится голова на высотѣ, у другихъ на высотѣ и на водѣ. Одни предпочитаютъ идти бродомъ, другіе окончательно отказываются идти еще въ бродъ. Раздѣлились на двѣ партіи, одни пошли бродомъ, другіе карнизомъ.

Ларионовъ счелъ долгомъ насъ предупредить:

— Кыргызъ вотъ Байгура сомнѣвается, говорить, гальки круглыши и шибко камениста.

Прошли бродъ очень хорошо.

— Вотъ баринъ-то вашъ, началъ Ларионовъ, — на водѣ лодцомъ, а....

— А на крутизнахъ у него голова кружится, договорила видя что онъ заминается.

— Да вотъ, лодишь ты, какъ это бываетъ. А вотъ вашъ походить бы еще съ нами, такъ ровно бы наша крестьянка стали.

Шли мы лѣсистымъ берегомъ, снова продовольствуясь съ родины; кто-то пожалѣвъ что такое множество ягодъ пропадетъ даромъ.

— Зачьмъ пропадаетъ! Нисколько не пропадаетъ, вступилъ Ларионовъ; — а чернѣй звѣрь-то? Чернѣй звѣрь всю ее объедаетъ. Станетъ на заднія лапы, въ переднія соберетъ вѣтки вѣтки-то соберетъ, да и ѣсть. Мудрый онъ звѣрь, мудрый мудерь.

— А что тебя мудрый звѣрь ломалъ?

— Нѣтъ, барыня, нѣтъ, Богъ миловалъ, нѣтъ, не ломалъ. Бивать ихъ бивалъ много (сколько десятковъ не помню), случаю не было, нѣтъ, никакого. Вотъ отца моего сгрызъ медвѣдь; онъ и теперь горбатый, убогій, совсѣмъ его испортилъ.

Въ это время мы увидѣли что всѣ кто пошелъ карнизомъ слѣзли съ лошадей и идутъ пѣшкомъ, а мѣстами и ползкомъ.

Только-что мы посмѣялись, глядя какъ они ползутъ по карнизу, моя лошадь, переходя снова Кара-Кабу, ткнулась и оклеивала меня выше колѣнъ; должно-быть въ назиданіе: не смѣть

Всеми на свѣтѣ есть конецъ; наконецъ и мы подошли къ рѣкѣ и остановились на ночлегъ. Маркакуль было въ верстѣ и отлично видно; очень красивое озеро. Версть 30 в длину и овальной формы, окружено высокими горами, берега къ которому мы подходили не тонкой и покрыты галькой; вода прѣсная. Звѣровщики говорятъ что въ немъ множество рыбы, преимущественно хайрузи и ускучи. Обѣ рыбы чрезвычайно вкусныя.

XI.

18го августа, у истока рѣки Колдѣсира, отъ рѣки Терекъ
45 верстъ.

Ночью шелъ дождь и снѣгъ. Всѣ горы, утромъ, когда мы вышли изъ юртъ, были покрыты снѣгомъ и курились. Выступили, какъ и обыкновенно, съ казачьими пѣснями, только пѣли сильно осилшіе голоса. Въ этотъ день намъ предстояло обойти озеро до истока Колдѣсира, гдѣ насъ ждали казаки Майтерекскаго отряда. Слышимъ: хохочутъ у насъ въ отрядѣ, и Ларіоновъ, со своею добродушною физиономіей и манерой говорить, что-то живо разказываетъ по-киргизски. Я спросила Османъ что онъ говоритъ.

— Онъ имъ разказываетъ какъ онъ приходилъ на это озеро за рыбомъ, и большой такой, ужасній, шибко большой одинъ рыба стоялъ во льду, и онъ ему вырубалъ спину и носилъ къ себѣ и опять приходилъ, и опять шибко много разъ рубилъ, и весной рыба эта оживился и уплылъ. Это онъ вретъ нарочно, такъ смѣяться. А теперь его дразнятъ: покажи, покажи, говорятъ, Ларіоновъ, свою рыба!

Ларіоновъ ударилъ свою лошадь чтобы подлѣзть къ намъ, она со всей рыси споткнулась, голова у ней подвернулась и она прямо ткнулась на холку. Я такого чуда не видывала.

— Османъ, что это съ его лошадыю?

— Онъ спотикалъ.

— Да какъ же это прямо на холку?

— Такой лошить; онъ чудесный, хорошій лошить, только такъ ужъ спотикаетъ.

Скоро пошли высокимъ берегомъ озера, спускающимся очень круто къ водѣ. На озерѣ плавали мириады утокъ и баклановъ. Ж. съ двумя Киргизами путешествовалъ около са-

ой воды, стараясь подъѣхать поближе къ уткамъ; наконецъ
онъ отправился одинъ по очень крутому мѣсту.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, видитъ, дальше идти нельзя;
надо поворачивать назадъ; онъ повернулся, вѣрнѣе, поднявъ
лошадь кверху, она зашаталась и стала терять равновѣсіе.
Ж. живо свернулся и кажется въ пятый разъ покатился со
своей лошадыю; оба счастливо завязли въ кустахъ.

Не будь кустовъ, дѣло могло кончиться печально.

Наконецъ-таки Ж. убилъ турпана, только пришлось дол-
го ждать пока его принесло прибоемъ. Подымаясь выше и
выше, мы пришли на самый край каменистаго, отвѣснаго бе-
рега, саженъ сорокъ надъ водой; тутъ тоже сердце чуточку
замираетъ, когда лошадь идетъ самымъ краемъ, или задумаетъ
перелѣзть черезъ какой-нибудь камень: попятится, такъ
пожалуй и въ озеро улетитъ; повернувъ немного отъ края,
мы стали подыматься еще выше, наконецъ взобрались на сѣ-
вѣлку, гдѣ было нѣсколько большихъ деревьевъ, и съ удоволь-
ствіемъ отдохнули подъ ними. Начиная съ этой сѣвѣлки, го-
ры пошли сланцовыя; звѣровщики говорятъ что тутъ водитъ-
ся много соболей. Они разказывали что имъ случалось ло-
вить живьемъ самку-соболя, и что она въ неволѣ принесла
маленькихъ.

Дождь шелъ кругомъ насъ, но какъ бы волшебствомъ или,
какъ мы смѣялись, молитвами Ларионова, на насъ не попада-
ло: то туча прольется въ озеро, то на горахъ, а мы идемъ
благополучно. Пройдя довольно много каменистымъ спускомъ,
мы пошли славною зеленою долиною: въ этихъ мѣстахъ кочу-
тъ Кожембеты и Кирѣевцы. Много попадаетъ ихъ могилъ,
но не такихъ какъ мы видѣли въ громадномъ числѣ по доро-
жѣ въ Зайсанскій постъ; тамъ огромныя глиняныя зданія, съ
каменками и разными затѣями; здѣсь же деревянная ограда,
въ ней деревянный же срубъ или груда камней; на могилѣ
патыря воткнуто кольцо, и гдѣ-нибудь около повѣшены че-
пелъ его любимой лошади; на могилѣ ребенка его колыбель.

Пройдя верстѣ двадцать пять, остановились на привалѣ.
Курчумъ остался у насъ вправо. Весь лугъ на которомъ мы
расположились покрытъ піонами, теперь уже отцвѣтшими;
около ручья большія кулы деревь, и около воды точно бор-
дюръ изъ незабудокъ; такихъ крупныхъ и яркихъ я не ви-
дала. Во время завтрака, я раздавала, ради киргизской вѣж-
ливости, руками куски баранины старшинамъ. Они принима-

ли, согнувшись крючкомъ, прикладывая руку къ груди и вора любезности. Особенно изящно кланялся Полковой, положивъ растопыренную руку къ виску, въ родѣ того какъ насъ отдають честь.

Послѣ привала шли съ часъ этою же долиной. Ларіоны тутъ наконецъ-таки перелетѣвъ черезъ голову своей небожительно спотыкающейся лошади; потомъ повернули влѣвъ стали приближаться снова къ озеру отъ котораго отойти версты на двѣ и подошли къ самой водѣ. Прибой былъ этому берегу; волны съ шумомъ вкатывались на гальку ногамъ лошадей. Лошади фыркали, бросались въ сторону, пройдя нѣсколько времени, успокоились и только вздрагивали и прядали ушами когда волна разбивалась у ногъ. Мы тѣшились тѣмъ что заставляли лошадей входить въ воду; страшили что тѣ же лошади которыя переходятъ такъ хорошо горныя рѣчки тутъ пугались и не шли. Снова взобрались по каменистому подъему на высокій берегъ. Стало очевь холодно. Бѣджиръ видѣвъ намъ почти все время, а добраться до него не можемъ. Наконецъ показалась цѣлая толпа Киргизовъ; поѣхали къ намъ, соскочили съ лошадей и начались *амандо* то-есть здорованье; нѣсколько позади Киргизовъ стояли казака въ полной формѣ. Слава Богу! признакъ что Бѣджиръ близко. На радостяхъ мы съ Османомъ пустились перегонку, у обоихъ лошади славныя. Ничего нѣтъ удивительнѣе какъ летѣть по степи на хорошей лошади; киргизскія лошади особенно прелестны тѣмъ что сама она входитъ въ азартъ отъ соревнованія; нагайкой и не трогай, только крикнешь ей надъ ушами, да увидить что другая лошадь ходитъ, такъ и летитъ на сколько хватаетъ быстроты, летитъ такъ что духъ захватываетъ, въ ухахъ воздухъ свищетъ, чувствуешь въ родѣ оьяненія и хочется еще скорѣй, скорѣй, точно крылья выросли за плечами, и вотъ-вотъ, если лошадь не пойдетъ еще быстрѣй, кажется бросишь ее и погонишь сама! Что и случается, да только черезъ голову на зем

Когда мы наконецъ осадили лошадей предъ небольшою спускомъ, оказалось что скакали не мы одни съ Османомъ а еще къ намъ пристроилось нѣсколько человекъ Киргизовъ всѣ они скалили пріятно зубы и говорили пріятныя рѣчи, они не ожидали чтобы дженаралова байбиче рѣшилась скакать въ перегонку. Но скакали въ перегонку честно то мы съ Османомъ, ни одинъ благовоспитанный Киргизъ

качеть начальство или байбиче, какая бы у него ни была шапка. Черезъ какіе-нибудь минутъ десять, мы были уже въ рядѣ расположенномъ у истока Калджира, на низменномъ, пологомъ берегу Маркакуля. Пока не пришли наши, я забралась въ юрту и завернулась въ шубу, чтобы послѣ скачки не остудиться, тѣмъ болѣе что послѣ купанья въ Кара-Кабѣ чувствовала себя не хорошо. По приходѣ на Калджиръ, наши прошли, несмотря на холодъ, рыбалку. Наловили много хайвовъ и ускучей. У насъ обѣдалъ начальникъ отряда; онъ между прочимъ разказывалъ какъ разъ ему пришлось идти отрядомъ такимъ мѣстомъ что лошадей приходилось слушать на арканахъ. Хорошо должно-быть мѣсто! Послѣ обѣда пришли звѣровщики просить чтобы дали имъ письмо къ Кирѣвцамъ, отбарантовавшимъ ихъ лошадей, и позволили идти Байчурѣ, что онъ скорѣе ихъ уговорить. Мужъ разрѣшилъ Байчурѣ ѣхать, а самъ сталъ диктовать письмо къ Кирѣвцамъ. М., сидя на коврѣ, писалъ на погребѣ. Письмо было самага грознаго содержанія и написано самымъ выжкимъ слогомъ. „Бойся гнѣва Бѣлаго Царя“, и т. д.

Тутъ же толмачъ переписалъ письмо на киргизскомъ языкѣ, и оно было передано звѣровщикамъ. Неподдавшие намъ Кирѣвцы очень хищное и дикое племя, и со стороны звѣровщиковъ ѣхать къ нимъ втроемъ съ Байчурой было рискованно.

XII.

Ое августа, урочище Сентасъ, мѣсто расположенія Майтерекскаго отряда, отъ Калджира 55 верстъ.

Въ ночь на Калджирѣ я почувствовала себя очень дурно; утромъ едва поднялась и хотѣла просить остаться на мѣстѣ этотъ день, но слышу говорить что тутъ стоянка отвратительная; между тѣмъ казаки стояли тутъ, выжидая насъ, нѣсколько дней.

Послѣ чаю простились съ провожавшими насъ отъ Котонъ-Сарагая до Калджира казаками, пожелали успѣха звѣровщикамъ и сѣли на лошадей. Вообразилось мнѣ что въ амазонкѣ будетъ теплѣе, и я первый разъ выѣхала по образу и подобию благовоспитанныхъ барынь. Разумѣется, поверхъ амазонки надѣта была шубка.

Сначала мы пошли вдоль Калджира, ущелье прелестно напоминало Клодтовскіе пейзажи: чистенькая зелень, рѣчкѣ свѣтлые ручейки, большія, красивыя кулы деревьевъ и яркое солнечное освѣщеніе; одно только чего я не помню на пейзажахъ Клодта, это высокія, скалистыя горы по бокамъ ущелья.

У всѣхъ были свѣжія лошади; мнѣ достался чудный савраска, съ черными полосками какъ у тигра на ногахъ и шее, чернымъ ремнемъ по спинѣ. Этотъ годъ мнѣ давали отъ другихъ коней, а въ первое путешествіе приведуть подъ джералову байбиче такую клячу что подъ нее кажется надо порки ставить; даже сопровождавшій насъ сотникъ Власовъ мой наставникъ и попечитель въ первое путешествіе, обидѣлся за меня и сѣдлалъ мнѣ другихъ. Свѣжія лошади, прежде чѣмъ обойдутся, не идутъ покойно; то у одного лошади бѣесть, то у другаго. Мой савраска также не отсталъ отъ другихъ. Стали мы подыматься выше и выше, пошли косогорамъ мое дамское сѣдло свернулось, только успѣли подскочить и тогда хватить въ-время. Бокомъ ѣздить по горамъ почти невозможно; даже Барсуковъ завѣщалъ никогда такъ не ѣздить. Повернули вправо отъ Калджира и поднялись на очень крутой подъемъ, съ него стали взбираться все выше и выше. По мѣрѣ того какъ мы подымались, становилось холоднѣе, а тутъ еще солнце пряталось за тучи и поднялся вѣтеръ. До того стало такъ холодно что никакого терпѣнья не доставало, поводъ почти нельзя держать, рука коленѣеть; сверхъ того нездоровитъ страшно; повременамъ до того станеть дурно, что уцѣпляю за рожекъ сѣдла, пригнусь къ шеѣ лошади, такъ и шестнадцать съ закрытыми глазами: все менѣе кружится голова. Наконецъ послѣднія силы улетучились, одна только мысль и есть: бошу лошадь и лягу. Нѣтъ никакихъ силъ больше идти. А тутъ какъ на зло кто-то приглашаетъ повернуть лошадь и побобаваться на Маркакуль, который теперь весь лежитъ предъ нами.

Среди громаднаго амфитеатра каменистыхъ вершинъ, гдѣ по боку, внизу, синѣло озеро въ зеленой рамкѣ луговъ и лѣсныхъ горъ. Видъ хотя и ровный, дѣйствительно былъ такъ хорошъ, что даже и я съ озлобленіемъ имъ любововалась. Чѣмъ дальше и выше мы подымались, тѣмъ становилось отвратительнѣе; къ холоду присоединилось неприятное ощущеніе проливающей насъ сквозь сырости, когда мы входили в

Наконецъ дошло было до того что я остановила лошадь и на этотъ разъ вслухъ заявила что замерзла, что мнѣ рано, идти больше не могу. Мужъ былъ далеко впереди, Османъ завернулъ меня какъ тюкъ въ свой тюбентай, и вмѣстѣ Ж. поѣхали около меня; Костя тутъ же рядомъ и причитать надо мной: „Ты вотъ всегда такая, простужаешься; я тутъ бабушкѣ все скажу.“ Немножко обогрѣвшись подъ теплымъ тюбентаемъ и отдохнувъ подъ такимъ конвоемъ отъ работы править лошадыю, я утѣшилась мыслью что всякому конвоему есть конецъ, будетъ и нашему. Но горы подымались за горъ, точно кто нарочно ихъ выдвигалъ. Наконецъ-то конецъ вышли мы изъ этого чистилища, пошли хорошею долиною и отдохнули на привалѣ. Отсюда дорога шла по широкой долиной, часто лѣсомъ; тутъ значительно было теплее, и вѣтеръ не леденилъ какъ на горахъ. Пройдя тридцать верстъ отъ Калджира, остановились на ночлегъ. Тотъ же зеленый лугъ, съ шумомъ бѣгущая рѣчущка и высокія горы. Долиной мнѣ все это казалось отвратительно. Всю ночь я не спала, вѣроятно былъ жаръ, потому что юрта и особенно костинъ ертакъ, повѣшенный за рукава на двери, всю ночь издавали образы какихъ-то чудовищъ и никакъ не давали спать, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось.

Утромъ мнѣ стало лучше. Погода стояла великолепная и походъ предстоялъ маленькій, всего двадцать пять верстъ. Дорога все время была прелестная. Видѣли мы рѣдкость: ступу обхватившую корнями камень аршина въ два въ діаметрѣ. Корни, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, плотно прилегали къ камню, и на верху соединялись въ одинъ стволъ; видъ былъ совершенно такой будто дерево сидѣло верхомъ на камнѣ, и поражало своею оригинальнію. Все казаки долго вертѣлись около, судили и удивлялись. Всѣ вѣтви пихты покрыты навязанными тряпочками; слышало что Телеуты считаютъ это дерево священнымъ.

Подъѣзжая къ отряду, я остановилась чтобы поправить развашия волосы, такъ что когда подѣхала къ нашимъ, отряду уже шель смотрѣть. Вижу, Османъ что-то толкуетъ Полкову, а у того совсѣмъ растерянная физиономія. Оказалось онъ первый разъ въ жизни видѣлъ ученье большаго отряда, и до того перепугался, когда отрядъ, здороваясь съ нами, гаркнулъ: „здравія желаемъ,“ что не зналъ куда обратиться. Османъ едва успокоилъ его.

Непривлекательно мѣсто гдѣ расположень Майтерекскій отрядъ. Юрты разставлены у подножія каменныхъ горъ вправо на довольно далекое разстояніе видны тѣ же горы въ долина замыкается ими же. По долину бѣжитъ шумная рѣчка, около нѣскольکو встрепанныхъ березъ. Здѣсь почти постоянно сильнѣйшіе бураны; оттого и березы имѣютъ такой истерзанный видъ. Юрты привязаны на арканахъ къ кольямъ; иначе ихъ срываетъ и катитъ. Начальникъ отряда намъ показалъ откуда недавно спустились къ отряду барантчи; когда казаки погнались за ними, они бросились бѣжать по горамъ, какъ козы. Одного ранили. Онъ и теперь лежитъ въ отрядѣ. Мальчикъ 18 лѣтъ; говоритъ что его послала баранту мать.

XIII.

21е августа. Уроч. Такыръ, отъ Майтерекскаго отряда въ верстѣ.

Поднявшись изъ Сентасской долины на небольшую возвышенность, пошли сландцевыми отлогими холмами поросшимъ кустарникомъ.

Встрѣчали множество дичи. Неудобство настоящего путешествія то что нѣтъ ни воды, ни ягодъ, и приходится терпѣть довольно мучительную жажду.

Во весь переходъ, до привала у ключа, и послѣ него, тѣ же каменистые холмы и кустарникъ. Чрезвычайно пустынный наводящій тоску видъ. Вотъ, говорятъ, дойдемъ до горъ, перевалимъ, и будетъ Такыръ. Смотришь, смотришь впередъ горъ нѣтъ нигдѣ. Все тотъ же пустынный, печальный видъ. Наши верблюды, идущіе въ верстѣ впереди насъ, поднялись на отлогую высоту, и скрылись за нею. Вѣрно это горы и перевалъ про которыя намъ говорили. Доходимъ до этого мѣста, стоимъ, а верблюды опять тянутся веревницей впереди, поднимаются немного, исчезнуть; мы приходимъ влѣдъ за ними опять то же самое. Какое-то безнадежное чувство начинаетъ невольнo охватывать душу; кажется, никогда намъ не выйти изъ этой пустыни. Наконецъ подошли къ довольно высокимъ скаламъ и пошли ущельемъ; ущелье вилось между выступами и вершинами самыхъ причудливыхъ формъ, и было очень красиво. Горныхъ рябчиковъ цѣлыя стада. Пройдя отъ

двухъ верстѣ ущельемъ, вышли на долину и остановились у ручья заросшаго камышами.

XIV.

22е августа. Акъ-тюбе, отъ Такыра 45 верстѣ.

Выступили рано утромъ и пошли тою же мѣстностью что и вчера. Вѣтеръ свѣжѣлъ все болѣе и болѣе, такъ что рвалъ фуражку съ головы. Пройдя часа три, мы подошли къ Бу-конбаю, послѣднимъ уступамъ Алтая. Вошли въ такое же ущелье какъ и вчера, и, хотя еще было рано, остановились на привалѣ, потому что отсюда до Иртыша, тѣмъ путемъ которыми рѣшили идти, нѣтъ воды. Буранъ былъ такой что нельзя ставить палатку. На солнцѣ жариться тоже не очень пріятно; кругомъ, кромѣ кустовъ шиловника и боярышника, никакой тѣни. По счастью наши двѣ колны сѣна, и устроились подъ ними. Черезъ часъ пошли дальше, и вышли на равнину Иртыша. Ну и равнина же! Не на чѣмъ глазу отдохнуть, все время идешь солонцами. Въ довершеніе удовольствія буранъ такой что мои канаусовые рукава трещали какъ трещетки. Чтобы спасти глаза отъ солонцевой пыли, я завернула голову и лицо шелковымъ шарфомъ. Головы у всѣхъ разболѣлись отъ бурана, во рту сохнетъ, а воды нѣтъ. Доѣхали до аула, оттуда привезли кумысу въ грязнѣйшемъ мѣдномъ чайникѣ. Юрты въ аулѣ стояли въ самомъ несчастномъ видѣ, бураномъ оборвало съ нихъ войлоки. Между солонцами встрѣчали много дрофъ и стрепетовъ.

Ж. и Османъ поскакали въ сторону посмотреть что-то. Черезъ нѣсколько времени они несутся назадъ; впереди ихъ, какъ изъ лука пущенныя стрѣлы, пригнувъ рога къ спинѣ, летятъ двѣ сайги, и, къ моей большой радости, ушли отъ охотниковъ.

Прошли мимо большого соленого озера. Акъ-Тюбе видѣвъ, а добраться до него не можемъ. Акъ-Тюбе отдѣльная сопка на лѣвомъ берегу Иртыша, самая восточная оконечность Семипалатинской области; тутъ стоитъ нашъ пикетъ; недалеко отъ него на правой сторонѣ Иртыша, у устья Калджира, расположенъ китайскій пикетъ.

Послѣ семи часовъ ходу, увидѣли наконецъ песчаные бугры и взобрались на нихъ. Слава Богу! Черный Иртышъ! конецъ му-

чительному переходу! Встрѣтила насъ цѣлая толпа Киргизовъ и В—въ. Онъ сказалъ намъ что утромъ нельзя было реуэхать Иртышъ, но теперь буря стихъ и паромъ готовъ. Вошли на паромъ, составленный изъ двухъ долбленныхъ досокъ, связанныхъ между собой; на нихъ настланы доски. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ саженъ до 40 ширины. Потащили нашъ паромъ на арканахъ вверхъ противъ теченья; наконецъ В—въ скомандовалъ: „пускай!“ Арканъ отдалъ, и паромъ быстро понесло теченьемъ; когда стали переваливать, волны вливались въ лодки. В—въ кричалъ на гребцовъ чтобы работали дружище; Костя испуганно поглядывалъ, и очевидно трусилъ. Перевалили благополучно; забросили арканы, съ берега подтащили насъ къ берегу. На берегу стояло цѣлое собраніе зайсанскаго начальства, воинства и Киргизовъ въ парадѣ. Смѣшно сказать: я всю дорогу такъ привыкла была въ бешметѣ и чембарахъ, что не обращала на это никакого вниманія, а тутъ, при видѣ этого парада, мой костюмъ и необходимость ѣхать на мужскомъ сѣдлѣ сильно меня сконфузили; но дѣлать было нечего, лѣшкомъ не идти. Власовъ повелъ мнѣ свою лошадь, и я, не глядя по сторонамъ, пошла стремя, и въ сѣдло. У пикета разставлены были большія кибитки, около нихъ множество народу. Торжества ради, я перодѣлась въ свое женское татарское парадное платье, и моя газетовая зеленая шубка обшитая бобромъ и галуномъ производила эффектъ. Между киргизскими старшинами были старые знакомцы: Магометъ султанъ и султанъ Казы, знаменитый тѣмъ что онъ своею тяжестью переломилъ лошади хребетъ. Онъ 14 вершковъ росту, и, несмотря на это, до того толстъ что поражаетъ своимъ объемомъ. Одѣтъ въ красную халатъ, на носу синіе очки. Прошлаго года еще онъ былъ бородный, свѣжій старикъ, а теперь стоялъ опершись на плечи двухъ Киргизовъ, и, несмотря на свою богатырскую фигуру, выглядѣлъ хилымъ и жалкимъ. У него прехорошенькій синишко Костяныхъ лѣтъ; Казы очень ласкалъ Костю, говоря что его сынъ—Костинъ тамыръ, то-есть другъ. Здѣсь мы первый разъ обѣдали на европейскій ладъ.

XV.

23е августа. Зайсанскій постъ, отъ Акъ-Тюбе 70 верстъ.

Поднялись въ 5 часовъ утра, и въ 7 тронулись въ Акъ-Тюбе; мы съ Костей—въ тарантасъ, остальные верхомъ. Кавалькада составила прежняя, такъ какъ Киргизы и старшины ѣхали съ нами. Отъ Акъ-Тюбе дорога идетъ сначала сыпучими песками; потомъ начинаются арыки и, несмотря на то что тарантасъ поддерживаютъ со всѣхъ сторонъ, его и насъ въ немъ бросаетъ во всѣ стороны.

Наконецъ я не вытерпѣла и пересѣла на лошадь.

Мѣстность кругомъ красивая; равнина оживлена аулами и засѣянными полями; арыки разбѣгаются свѣткой по всей равнинѣ. Слѣва подымаются тѣ же наши старые знакомцы, свѣжый Мусъ-Тау и великаны Сауръ и Сайканъ.

Наконецъ показались Кичкене-Тау, у подножія которыхъ стоитъ Зайсанскій постъ; показался Косагачъ, то-есть два дерева, а такъ какъ ихъ дѣйствительно только два на всей громадной равнинѣ, то они стоятъ какъ маякъ. У подножія Кичкене-Тау, какъ игрушечные домики, видѣлись строенія поста.

На чистенькой площади предъ гаултвахтой (она же и временное помѣщеніе пристава, его помощника и еще столькохъ людей сколько вмѣститъ въ себя можетъ), стояли солдаты, казаки и вся служащая публика; изъ оконъ выглядывали женскія лица.

Намъ, отвыкшимъ отъ подобныхъ зрѣлищъ, все казалось весьма великолѣпно. Наши комнаты, несмотря на то что были отведены въ такомъ странномъ помѣщеніи, на будущей гаултвахтѣ, были устроены очень комфортабельно и даже изящно.

Вечеромъ ходили гулять въ Джеминійское ущелье; видѣли по дорогѣ въ огородѣ овощи такихъ удивительно большихъ размѣровъ что хотъ на выставку посылать. Климатъ здѣсь чрезвычайно здоровый и благодатный, почва плодородная, много воды, и если приложить трудъ, можетъ быть богатое поселеніе. Джеминійское ущелье прехорошенькое. Самый постъ

принялъ теперь благоустроенный видъ; нѣсколько построе
окончено, много окончивающихся и строящихся. Есть по
бѣ базара. Общество, относительно, большое; двадцать
рынъ. Бываютъ даже вечера.

Я очень люблю видъ изъ Зайсанскаго поста: съ одной
роны онъ прилегаетъ къ горамъ, съ другой—отъ него иде
кажущаяся безпредѣльной, какъ море, Зайсанская равнина,
покрытая колышущимися какъ волны солонцами. Вдали, по
нятый рефракціей, виднѣется Алтай.

26го августа въ посту былъ молебенъ и парадъ; потомъ
крестила у одной барыни. Церковь отъ поста въ 300
стахъ, и священникъ прѣзжаетъ одинъ разъ въ годъ; тутъ
крестятъ новорожденныхъ, служатъ молебны и панихиды. По
бенка крестили въ кадущкѣ вмѣсто купели, а дьячка замѣня
солдатику. Послѣ обѣда поѣхали въ Темиръ-Су, ущелье
ура, гдѣ производится рубка лѣса. До ущелья семнадц
верстъ хорошей колесной дороги; намъ встрѣчались подво
Калмыковъ, везшія провіантъ темерсуйскимъ рабочимъ, и
возившіе студа бревна и доски. Послѣ отдыха въ домѣ ст
трителя работъ, примкнутомъ при входѣ въ ущелье къ гор
мы снова сѣли на лошадей и поѣхали по ущелью. Работы
ущельѣ замѣчательны: на разстояніи двѣнадцати верстъ по
ходится переходить рѣчку разъ семь или восемь; быстра
какъ и всѣ горныя рѣчки и очень камениста; поэтому
вывозки лѣса необходимы мосты; одинъ изъ нихъ пришло
устроить по направленію теченія на протяженіи 60 саже
Этотъ мостъ выдержалъ весеннее водополье, хотя строенъ
не инженеромъ. Узкое и извилистое ущелье очень краси
картины въ немъ безпрестанно мѣняются. Съ одной сторо
горы покрыты густымъ лѣсомъ громаднѣйшихъ деревь. По
шлаго года мы видѣли тутъ рубку лѣса. Гдѣ-нибудь на в
шинѣ солдатики подрубаютъ дерево; вдругъ смолкнетъ сту
топоровъ. „Берегись!“ и дерево рухаетъ съ такимъ трескомъ
громомъ и раскатомъ по горамъ что лошади припадаютъ
подъ нами. Падая, оно разбивается на нѣсколько частей
пока долетитъ между деревьями до какого-нибудь мѣста
наконецъ остановится, на немъ не остается ни сучка —
обломаетъ дорогой.

Тутъ же на мѣстѣ его окончательно изготовляютъ и го
вымъ бревномъ катятъ внизъ въ ущелье. Между дровосѣ
ми лазятъ солдатики какъ козы по кручамъ и собираю

тохъ для конопатки. Внизу около того мѣста гдѣ рубятъ лѣсъ строена пильная и нѣсколько землянокъ, гдѣ живутъ солдаты. Въ этомъ ущельѣ, какъ и во всѣхъ ущельяхъ какія мы видѣли, богатая растительность: дикія розы, боярышникъ, смородина растутъ въ изобиліи. Пройдя до того мѣста гдѣ оканчивается разработанная дорога, мы вернулись къ домику смотрителя, отдохнули на балконѣ и отужинали. Солдатики обратившись въ кружокъ пѣли; ими дерижировалъ пожилой старый усачъ, очевидно любитель и знатокъ; одну пѣсню они пѣли особенно прелестно, да и напѣвъ великолѣпный; какой-то юный солдатикъ пѣлъ, подыгрывалъ на дудкѣ и плясалъ; наконецъ и самъ солидный запѣвало не выдержалъ и пустился въ плясъ.

На возвратномъ пути мы любовались красавицей лошадкой, на которой ѣхалъ Т.; она изъ того же табуна султана Казы отъ той же матери что и мой знаменитый Буранъ, но его лошадь только-что приведена, чрезвычайно горяча и безпрестанно срываетъ съ иноходи, мой же Буранъ идетъ иноходью такъ что за нимъ идутъ карьеромъ.

XVI.

28 августа. Чоганъ-Обо, отъ Зайсанскаго поста 65 верстъ.

На другой день съ ранняго утра начались приготовления къ поѣздкѣ на Чоганъ-Обо, гдѣ, какъ говорятъ Киргизы, лежитъ еще отрядъ. Чоганъ-Обо отстоитъ отъ Зайсанскаго поста на 65 верстъ, которыя надо сдѣлать въ одинъ переходъ.

Про Чоганъ-Обо говорили ужасы: будто бы тамъ такой холодъ, такъ часты проливные дожди по цѣлымъ недѣлямъ, что, слушая, становилось жутко. Насъ съ сыномъ взяли съ уговоромъ чтобы мы ни на что не жаловались и не мѣшали, если придется сдѣлать движеніе къ Таргоутамъ, недавно снова отбарантовавшимъ у казаковъ лошадей. Дѣло въ томъ что уже нѣсколько лѣтъ калмыцкіе старшины (кегени) Матень, Уванъ и Аредень, состоящіе въ китайской службѣ генералами, дѣлаютъ намъ всевозможныя гадости. Такъ въ 1867 году Чоганъ-кегенъ вырѣзалъ и разграбилъ Байджигитовъ, slopesко кочевавшихъ въ тылу русскаго отряда. Впрочемъ тутъ больше всего винятъ Ц., который вмѣсто того чтобы вести свой отрядъ на выручку несчастныхъ, которыхъ рѣзали на

Джоты-Аралъ, пошелъ на перерѣзъ имъ къ Черному Иртышу. Перерѣзали тогда до 400 человекъ.

Въ нападеніи 1869 года Козыль-Аяковъ на Зайсанскій постъ говорятъ, кегени опять принимали участие. Но самое послѣднее, только-что случившееся происшествіе, было нападеніе на казаковъ сопровождавшихъ одного офицера посланнаго въ сѣмку въ Матеновскомъ проходѣ. Казаки эти только-что поступили на службу, неопытны и не умѣютъ управлять съ оружіемъ, а Таргоуты народъ весьма наметанный, и имѣютъ отличныя кавказскія винтовки. Во время этого событія на Зайсанѣ былъ въ гостяхъ Хебе-Амбанъ, губернаторъ Кубанской провинціи; ему сказали что въ числѣ барантчей видѣли Манчука, переводчика Матена. Губернаторъ написалъ отъ себя приказъ Матену немедленно возвратить отбарантованныхъ лошадей и выѣхать въ Зайсанскій постъ для объясненій. Хебе-Амбанъ заявлялъ что Матенъ не осмѣлится его оскорбить, что за это онъ отвѣтитъ головой. Но вѣроятно Матенъ или не дорожитъ своею головою, или о двухъ лошадяхъ онъ ни лошадей не возвратилъ, ни для объясненій не выѣхалъ. Тогда, чтобы прекратить баранты, рѣшено было непременно настоять чтобы Матенъ исполнилъ приказанія Хебе-Амбая. Вышли мы изъ Зайсанскаго поста въ 11 часовъ утра насъ провожала одна барыня, очень хорошенькая, въ amazonskѣ, но ѣздившая совершенно необычайно: она держитъ поводъ кончиками двухъ пальцевъ правой руки, будто бабочка за крылышки, вслѣдствіе чего лошадь творитъ съ ней что хочетъ, и она только криками и взвизгиваніемъ протестуетъ противъ ея проказъ. Взобравшись на Качкенъ-Тау мы стали пробовать новыхъ лошадей. Слышу Костя мой вопилъ: „Мама! Ай! Мама!“ Оказывается его лошадь бросила насъ за нашими, онъ не можетъ ее сдержать, и зоветъ ко мнѣ о помощи, а я, при всемъ желаніи, не имѣю довольно силъ чтобы сразу остановить мою разгорячившуюся лошадь; наконецъ онъ самъ догадался, направилъ на гору. Ему кто-то подсказалъ сначала что лошадь его бойка и его собьетъ. Малчикъ мой и струсилъ; идетъ шагомъ да и только. Но черезъ часъ онъ успокоился, а черезъ два управляетъ своею лошадью отлично. Шли мы тѣми же мѣстами гдѣ ходили прошлаго года да на Уйдоне, смотрѣть залежи алебастра.

Теперь это мѣсто осталось далеко вправо. Часа четыре м

или равниной и небольшими подъемами и спусками. Жарко было страшно. Наконецъ подошли къ Уйдонѣ: рѣчка славная, вода прозрачная, холодная; началось водопитіе: пили сами, поили лошадей, снова принимались за питье. Пройдя Уйдоне, скоро вошли въ ущелье; тутъ сразу стало свѣжѣе, такъ какъ вѣтеръ былъ въ лицо. Началась охота. Кругомъ по скаламъ раздавались крики горныхъ рябчиковъ и безпрестанно встрѣчались ихъ цѣлыя стада. Пройдя 35 верстѣ, остановились на привалѣ у ключа. Все дно ключа, да и вообще все ущелье въ этомъ мѣстѣ, покрыто яшмой, и красная, и сѣрая и зеленая. Отдохнувъ съ часъ, мы тронулись далѣе. Мѣстами голыя, красноватая скалистая щеки ущелья принимали оригинальныя виды: то очутимся мы въ кругломъ залѣ, и кажется изъ него выхода нѣтъ, а тамъ проводникъ приведетъ къ узенькимъ, только для двухъ лошадей, скалистымъ воротамъ; войдемъ въ нихъ, высокія каменные стѣны, близко сойдясь, образовали корридоръ, а тамъ опять небольшой подъемъ или спускъ и снова зеленое ущелье поросшее кустарникомъ. Выйдя изъ ущелья, мы увидѣли громадную Чиликтинскую долину. Слѣва замыкалъ ее хребетъ Саура; сѣверную и южную окраины составляютъ Манрахъ и Тарбагатай, сходящіеся между собою и образующіе проходъ Иссыкъ. Въ юго-восточномъ концѣ долины, при соединеніи Сауры съ Тарбагатаемъ, горные проходы сошлись вѣеромъ; два изъ нихъ, Гасанъ-Обо и Кергентасъ, ведутъ къ юго-востоку въ долину Кабукъ; третій, Баймурзинскій, къ югу въ долину Емиля; здѣсь-то въ самомъ юго-восточномъ углу всей Семипалатинской области, на китайской границѣ, обхватывающей Чиликтинскую долину съ востока и юга, и стоитъ отрядъ охраняющій проходы.

Отправились мы долиной; все время шли крупною рысью или вскачь; вотъ, думаемъ, сейчасъ на мѣстѣ, а Чеганъ-Обо все нѣтъ. Выѣхали Киргизы Табакъ и Батагай со свитами, поздоровались, полюбозничали на ходу. Спрашиваемъ: „далеко ли до Чеганъ-Обо?“—„Близко, говорятъ;—вотъ какъ до зимовокъ дойдешь, останется десять верстѣ.“—„А до зимовокъ сколько?“—„Не далеко—часъ ходу“. Въ суммѣ это составляло еще весьма изрядный кончикъ. Мы подошли къ отряду когда совсѣмъ уже стемнѣло; около девяти часовъ, только мы размѣстились въ юртѣ и подали намъ чай, въ отрядѣ проиграли зорю. Молитву прочли отлично; хоръ большой и славно поютъ.

На Чегань-Обо стоитъ Сухаревская сотня, ходившая нами прошлаго года, и мы знали многихъ изъ казаковъ. По отзыву всѣхъ, это лихая сотня, да и старикъ дѣдка Сухаревъ молодець.

На другое утро насъ рано подняли и велѣли собираться въ путь. На разсвѣтѣ, полусотня казаковъ, подъ командой В—ва была послана за пятьдесятъ верстъ, къ таргаутскому селенію гдѣ живетъ Матень, съ приглашеніемъ выѣхать къ русскому генералу для переговоровъ. Другой отрядъ двинется съ артиллеріей и станетъ въ двадцати пяти верстахъ отъ селенія ждать извѣстій отъ В—ва. Если нашихъ хорошо примутъ, и Матень поѣдетъ съ ними, то дождутся на мѣстѣ. Если же заупрямится или подыметъ скандалъ, отрядъ поѣдетъ къ селенію. Намъ съ Костей опредѣлили, въ случаѣ перестрѣлки, отправляться къ артиллеріи и пребывать около орудій. Выступленіе изъ лагеря было весьма эффектно: двѣ пары орудія съ отличною запряжкой подобранныхъ подъ масть ровныхъ славныхъ коней, прислуга на такихъ же коняхъ, за ними сотня казаковъ. Наша кавалькада и Киргизы шли то впередъ, то равнялись съ ними. Погода была отличная; зеленая Киргентаская долина, облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, смотрѣла свѣжо и весело. Скомандовали: „Пѣсенники впередъ!“ И наши старые знакомцы, Сухаревцы, бывшіе въ Туркестанѣ при генералѣ Черняевѣ, грянули:

Сырз-Дарынды молодцы по степи гуляютъ,
А Коканды дураки крѣлости бросаютъ!

То-то, право, дураки: крѣлости бросаютъ!

Нашъ начальникъ былъ герой—
Двинулъ войско по Дарьз;
За нимъ славный русскій отрой,
Всѣ готовы быть въ огнь!
Нашъ начальникъ былъ Черняевъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ;
Не видать намъ съ нимъ печали
Только пѣсенки гремятъ! и т. д.

Трудно передать съ какою любовью вспоминаютъ генерала Черняева всѣ кто служилъ при немъ.

Артиллерія шла шагомъ. Я прибавила ходу, и съ двумя Киргизами ушла впередъ. Встрѣтила волка, который очень

но перебѣгалъ долину. Киргизы погнались за нимъ, но
въ. Пройдя двадцать пять верстъ, остановились въ пре-
ошенькой долинкѣ между высокими горами. Орудія ста-
на позицію, кругомъ расположился отрядъ. Сухаревъ самъ
елъ трехъ казаковъ чтобы поставить пикеть, провелъ ихъ
конца долины и вскарабкался на самую высокую верши-
которая оканчивалась чуть не остроконечно. Слѣзши съ
дади, онъ провелъ казаковъ и поставилъ на самую вер-
нку. Послѣ того Сухаревъ сталъ спускаться; даже мужъ
говаривалъ, глядя на него: „Ой, дѣдка, хоть съ лошади
сошелъ! Сломить себѣ шею!“ Но дѣдка даромъ что съѣлъ,
удалъ. Онъ благополучно сошелъ и доложилъ начальству
съ вершины на далекое разстояніе видны дороги. Въ
даніи обѣда мы пошли гулять на горы. Взобравшись до-
льно высоко, съли отдохнуть и любоваться хорошенькимъ
домъ окрестныхъ горъ, долины и расположеннаго въ ней
гера.

У насъ обѣдалъ начальникъ взвода, а дѣдка Сухаревъ по-
иася (постовалъ, какъ говорятъ у насъ) и отказался отъ
ѣда. Послѣ обѣда долго сидѣли, читали газеты и разсуж-
ли о войнѣ Франціи съ Пруссіей. Я отъ всей моей души
ладала и желаю чтобы они изобразили битву тѣхъ двухъ зна-
нитыхъ собакъ которыя до того грызлись что только
остики остались. Отъ Власова все не было извѣстій, и мы
гли спать не дождавшись ничего. Оказалась небольшая, но
сьма чувствительная неприятность; вся юрта была усѣяна
ленькими черными пауками; они бѣгали по коврамъ, по
оватямъ, по бокамъ юрты, падали съ верху ея,—не было
тъ нихъ спасенья. Но какъ все это ни было противно, а
сталость взяла свое.

Утромъ въ отрядъ наѣхало человекъ тридцать Солоновъ,
рды предводительствомъ солонскихъ офицеровъ; у одного
алъ бѣлый шарикъ, значитъ нашъ хорунжій, у другаго бѣ-
ый матовый—капитанъ, а у третьяго синій—это майоръ. Чи-
овникъ съ синимъ шарикомъ важничалъ непомѣрно; напро-
въ того, человекъ съ прозрачнымъ шарикомъ и стариков-
кою, женоподобною фізіономіей, былъ весьма мягокъ и лю-
езень.

Пріѣхавшіе съ ними Солоны народъ рослый, стройный и
расивый; черты лица ихъ правильны, глаза не подтянуты
верху и скулы не выдаются; ноги и руки замѣчательно

малы и стройны. Обуты въ башмаки съ совершенно круглыми носками, заканчивающіеся острымъ шпипомъ, на толстой бумажной подошвѣ; въ широкихъ, на подобіе турецкихъ, ровахахъ и куршахъ, то-есть широкихъ курткахъ или куртахъ съ очень широкими прямыми рукавами; все это сѣрой, точно не бѣленый холстъ, матеріи. Головы до подбородка выбриты, а съ половины отпущены очень длинныя волосы заплетенныя въ косу; на головахъ поярковыя шляпы загнутыя вверхъ, въ родѣ кокошника, полями, и въ одну сторону большая, спускающаяся до плеча, серьга. Оружіе — лукъ и колчанъ, который они носятъ не на спинѣ, а лукъ виситъ съ одного бока, колчанъ съ другаго.

Черезъ переводчика Солонамъ было объявлено что ихъ держать не на долго. Они потолковали, и по необходимости согласились. Солонскихъ чиновниковъ пригласили пить чай. Синій и бѣлый матовый шарикъ вели себя чрезвычайно чинно и безпрестанно сосали свои трубочки. Отобѣдали, а потомъ въ вагъ извѣстій. Наконецъ часа въ два дали знать съ пикета что кто-то скачетъ по дорогѣ. Прискакалъ съ нимъ три казака, сынъ Матена и его знаменитый переводчикъ, таргаутскій лама Манчукъ. Сынъ Матена, малолѣтъ семнадцати, походилъ болѣе всего на глуло-рожденнаго деревенскую дѣвку. Манчукъ смотрѣлъ волкомъ. Ж. Р. казалъ что утромъ рано они пробрались лѣсомъ къ деревню, застали Матена въ его домѣ и сообщили что привѣтъ отъ русскаго генерала. Матенъ принялъ ихъ въ переднюю комнату, нѣчто въ родѣ нашей прихожей, и едва удостоившись говорить, отвѣчалъ что къ русскому генералу не пойдеть такъ какъ служить въ китайской службѣ и самъ генералъ. Сказавъ это, вскочилъ и ушелъ. Тогда наши послали сказать что лучше бы онъ не ломался, а ѣхалъ, что генералъ стоитъ не далеко и съ войскомъ. Тогда Матенъ предложилъ отпущить для переговоровъ своего сына и Манчука. Сынъ Матена подошелъ съ привѣтствіями отъ отца и поднесъ какую нибудь матерію. Матерію не приняли, сказавъ что приглашали Матена для переговоровъ, а не мальчишку, а такъ какъ Матенъ самъ нейдетъ, то остается его привести. Манчука и сына Матена приказано взять подъ конвой, и отряду готовиться къ выступленію. У Солоновъ отогнали лошадей на другую сторону лагеря, сказавъ чтобы до нашего возвращенія ни изъ нихъ не смѣлъ трогаться съ мѣста. Съ ними остав

двать пять челоѣкъ казаковъ, наши юрты и вещи. Солонскихъ чиновниковъ пригласили ѣхать съ нами. К. проскакалъ 25 верстъ отъ селенія Матена карьеръ, у него не было почти голосу; но выпилъ рюмку хереса на свѣжую лошадь и въ сопровожденіи двухъ казаковъ снова поскакалъ къ В—ву съ извѣстіемъ что отрядъ Ж. разказывалъ что В—въ и Б. сидятъ въ юртѣ съ ружьями наготовѣ.

Проулились и мы. Солонскіе чиновники важничали до возможности, и гордо выѣхали предъ отрядъ, стараясь держаться впереди русскихъ начальниковъ. Пришлось попросить ихъ держаться сзади и не смѣть выскакивать впередъ. Они не слушались, но франтъ съ синимъ шарикомъ сохранилъ надменный и проницескій видъ. Манчука и сына Матена держали въ срединѣ отряда на чумбурахъ.

Чрезвычайно красиво идетъ артиллерія по горамъ. Какъ только кони выносятъ орудія въ гору, какъ искусно спускаютъ. Служба поддерживаетъ орудіе на лямкахъ, могучія дышло-носилы, сдерживая катящееся съ крутаго спуска орудіе, совсѣмъ опираются на заднія ноги и сползаютъ, упираясь передними ногами, вытянутыми какъ струнки. Иногда которая-нибудь заминается немножко, замотаетъ головой, прося повода. Тутъ же выскочитъ умный конь напрягаетъ всѣ мускулы—и спускаетъ молодца. Несмотря на то что два перевала были довольно высокие и крутые, и одинъ еще по кособору, орудія спустились отлично. Послѣ одной остановки, когда скомандовали: «Садись!» синій шарикъ тотчасъ же передразнилъ: „Садись!“ довольно и презрительно усмѣхаясь. Спустившись со второго перевала, мы довольно скоро вышли изъ ущелья на долина Кобука, перешли два сѣрныхъ ключа, дававшихъ орудію знать своимъ залахомъ, и черезъ часъ ходу подошли къ селенью, раскинутому на довольно большомъ пространствѣ; всѣ домишки группировались около большой кумирни. Всего селенокъ можно было насчитать до 80. За селеньемъ и около него, но далеко отъ насъ, копошились люди. Вл—въ и Ж. выѣхали на встрѣчу, съ докладомъ что Матень уѣхалъ изъ селенія въ свою кочевку. Тогда В—ву было приказано ѣхать впередъ съ шестью казаками и остановить Матена; артиллерія съ частью казаковъ стала на позиціи, чтобы въ случаѣ нужды держать все селеніе подъ огнемъ, а остальной отрядъ

двинулся впередъ. Кумирня большая и очень красивая. тыреугольное каменное выбѣленное зданіе. Въ стѣнахъ окна и ни малѣйшаго отверстія, кромѣ входа съ одной стороны; изъ-за первой стѣны видна вторая, а изъ-за нея четверугольная башня съ крышей извѣстной многоугольной окончной формы съ загнутыми вверхъ краями; по угламъ драконы и колокольчики, изъ которыхъ тоже висятъ дрены. Подлѣ кумирни на двухъ высокихъ шестахъ огромныя флаги. Колокольчики качались отъ вѣтру и перезванивали. Недалеко отъ кумирни стояло еще маленькое каменное зданіе, въ родѣ нашей часовни. Во всемъ селеньи не было ни души. Намъ указали мимоходомъ домъ Матена — такая мазанка, какъ и остальные, только окружена высокимъ заборомъ стоколомъ какъ клѣткой. Пройдя селенье, пошли на полторы тысячи, прошли верстѣ восемь, кругомъ по холмамъ покрываются всадники, а нашихъ все нѣтъ. Прошли и всѣ десяти верстѣ, наконецъ видимъ катить В—въ и сообщаетъ Матенъ сейчасъ выѣзжаетъ на встрѣчу; онъ сидѣлъ окруженный ламами, въ то время какъ В—въ налетѣлъ на насъ врасплохъ съ своими казаками и сталъ держать ему такъ рѣчь: „Поѣзжай лучше, Матенъ, самъ на встрѣчу генералу, здѣсь со всѣмъ войскомъ, иначе худо будетъ.“

Поѣхавшій солонскій офицеръ съ женолодбною физиономіей, тоже сталъ совѣтовать ѣхать встрѣчать. Матенъ поговорилъ съ ламами, засуетился, сталъ одѣваться и просилъ В—въ предупредить что онъ сейчасъ будетъ. „Надо же мнѣ говорить, войско мое собрать. Генераль вашъ идетъ съ войскомъ, приличіе требуетъ чтобъ и я выѣхалъ такъ же.“ Мы остановились. Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно появились всадники, подѣхали нѣсколько ближе, и мы могли взглянуть на Матена. Толстѣйшая фигура въ черной курткѣ и тайской генеральской шапкѣ, чрево его подиралось лупомъ сѣдла. За нимъ человекъ 50 всадниковъ съ винтовками на плечахъ. Шли они шагомъ. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ къ намъ, остановились, какое-то чучело съ обнаженною головою спѣшилось, подобострастно согнувшись крючкомъ, подошелъ къ лошади Матена, взялъ ее подъ уздцы и повелъ къ намъ.

В—въ объяснялъ что китайскій этикетъ требуетъ чтобы мы встали на лошадей. Но наше начальство осталось на лошадахъ, говоря что пусть Матенъ подчиняется нашему этикету. Матенъ, видя что наши не сходятъ съ лошадей,

Матень же подалъ руку, говоря привѣтствіе. Солонскій ста-
 кашка переводилъ на китайскій языкъ. В—въ на русскій.
 видно было что Матень совершенно хорошо понимаетъ, да
 вероятно и знаетъ китайскій языкъ, но не хочетъ говорить
 на своемъ природномъ языкѣ, важности ради.
 Матень, разумеется, очень радовался что видитъ дорогаго
 друга и надѣялся что онъ прибылъ здоровъ и благополучно.
 Ему отвѣтили сожалѣніемъ что Русскимъ пришлось идти такъ
 далеко ему на встрѣчу. Пригласили Матена идти съ собой,
 говоря что находятъ неприличнымъ вести переговоры на чуж-
 ой землѣ. Матень согласился, и оба албаня, китайскій и
 русскій, направились со своими воинами обратно къ селенью.
 Дорогой Ж. сказалъ намъ что Б. входилъ въ кумирню, и въ
 ней преинтересные бурханы (идолы). Спросивъ разрѣшеніе
 войти впередъ и до прихода отряда осмотрѣть кумирню, мы
 взяли восемь человекъ казаковъ и поскакали. Е., Ж. и я по-
 шли всю дорогу шли вскачь, мѣстами карьеромъ, чтобы толь-
 ко засвѣтло попасть въ кумирню; при вѣздѣ въ селенье, я
 зазвѣдалась на что-то, не доглядѣла широкаго арыка (канавы);
 лошадь, приготовляясь къ прыжку, неожиданно, со всего ско-
 рости, взвилась, я совсѣмъ было опрокинулась, и опять какимъ-
 то чудомъ усидѣла. Помню что ко мнѣ подскакалъ казакъ,
 но онъ ли меня удержалъ и могъ ли удержать, не знаю, пото-
 му что въ ту же секунду перемахнули арыкъ и благополучно
 продолжали скакать дальше. Въ окнахъ мазанокъ, въ селеньи,
 погоньки, и колошится народъ. Подскакавъ къ кумирнѣ, мы
 вошли съ лошадей и вошли совершенно будто на паперть на-
 шихъ старинныхъ церквей. Крыша паперти подперта дере-
 вянными четырехугольными колоннами, пестро раскрашенными;
 при входныя большія двустворчатыя двери. Мы подошли къ
 средней, оказалась заперта, только въ щелку видѣвъ огонекъ;
 постучали, позвенѣли—никто не откликается; наконецъ, кто-
 то изъ казаковъ толкнулъ замокъ шашкой, дверь отворилась.
 Мы столпились въ дверяхъ; общій видъ напоминалъ католи-
 ческую церковь; большое зданіе раздѣленное четырьмя рядами
 колоннъ, между средними колоннами широкій проходъ къ
 жертвенному столу, на немъ теплится лампада, свѣтъ ея и
 освѣщаль кумирню. Мы хотѣли войти, но Ж. посовѣтовалъ
 прежде осмотрѣться хорошенько—кто ихъ знаетъ! Въ это вре-
 мя вышелъ изъ-за колоннъ какой-то Таргаутъ и подошелъ къ
 намъ. Я вручила ему серебряный двугривенный въ руку и

толкую: „акча“, то-есть по-киргизски деньги. Онъ осмѣиваясь съ нѣкоторою пріятностью зубы и спросилъ: „бурханъ?“ жестами показывала что не бурхану а ему. Онъ пригласилъ насъ идти за нимъ. Изъ нашего конвоя два казака остались на лошадяхъ, двое у дверей, а остальные четыре вошли съ нами. Мы прямо пошли къ жертвенному столу; дорогой замѣтили у каждой колонны низенькія, верхка въ два, широкія, черныя угольные скамьи; на нихъ сидятъ ламы во время богослуженія. Между послѣдними колоннами, за жертвеннымъ столомъ виситъ шелковый занавѣсъ. Столикъ одѣтъ матеріей, на немъ престола, на немъ дюжины двѣ одинаковыхъ чашекъ съ какой-то жидкостью, посрединѣ ихъ стоитъ высокая брѣзговая или мѣдная подножка и въ нее вставленъ бубенчикъ на шею ламы; предъ нимъ теплилась лампада, по бокамъ стояли вазы съ какой-то пушистою зеленью. Проводникъ скрылся за занавѣсъ, а я воспользуюсь этою паузой, чтобы сдѣлать богослуженіе, которое прежде видѣлъ въ этой самой колоннѣ одинъ офицеръ. Во время богослуженія ламы садятся на колонны на коврахъ, кошмахъ или скамьяхъ, играютъ на инструментахъ, поютъ или читаютъ. Инструменты у нихъ: огромная длинная труба, такая что надо поддерживать подставками; мѣдныя тарелки, бубны, барабанъ и т. д.; одновременно играютъ музыкой нѣкоторые изъ ламъ поютъ. Во время служенія занавѣсъ за жертвеннымъ столикомъ открывается, и за нимъ въ углубленіи за колоннами, подъ главнымъ бурханомъ, сидитъ старшій лама въ красной одеждѣ; и какъ всѣ ламы, съ нимъ выбритою головой. Въ рукахъ у него колокольчикъ и осмѣиваясь, въ родѣ бубенчикъ въ родѣ побрякушки, онъ ими подаетъ знакъ другимъ ламамъ, когда начинать пѣть и играть, также кончать, во время чтенія тоже перезваниваютъ; мѣжду сидящими ламами рассказываетъ, не знаю какъ его опредѣлить въ родѣ діакона, съ краснымъ плащомъ на плечахъ и т. д. же перевязью, какъ и у нашихъ діаконъ черезъ плечо; онъ наливаетъ ламамъ въ чашки кумысъ и окуриваетъ длинной курящейся благовонной бумагой. Народъ нико не участвуетъ въ молитвахъ, его дѣло приносить жертвы на столикъ, а тамъ по величинѣ и цѣнѣ жертвы, ламы за него и совершать молитвы. Если кто положитъ въ чашечку пшена, ламы восхваляютъ пшено, жество родившее пшено и жертвователя. Чѣмъ бо

тѣмъ продолжительнѣе молитвы. Проводникъ нашъ вернулся за-изъ занавѣса, показывая пустую руку и говоря: „бурханъ“, мы поняли что онъ положилъ деньги бурхану. Я дала еще. Онъ взялъ съ жертвеннаго столика лампаду и пригласилъ насъ войти за занавѣсъ; за занавѣсомъ столъ, по срединѣ у стѣны стеклянный шкафъ съ большими цѣльными стеклами, раздѣленный на три отдѣленія; въ среднемъ была женская сидячая статуя въ аршинъ величиной, вся вызолоченная, только глаза черные съ бѣлыми бѣлками и бѣлые зубы, идущая между немного открытыми губами; лицо было идеальное, хорошо, съ правильными, тонкими, изящными чертами и прекраснымъ выраженіемъ. На головѣ ея надѣта большая бирюзовая корона; одна рука поднята со сложенными перстами: указательный и большой сложены вмѣстѣ. Въ боковыхъ отдѣленіяхъ шкафа, также вызолоченныя женскія фигуры, тоже сидящія, меньшихъ размѣровъ, безъ короны и далеко не такъ изящны и красивы какъ средняя. У одной на поднятыхъ рукахъ надѣты жемчужныя четки. Около стекляннаго шкафа, стоящаго на довольно высокомъ шкафикѣ или столичкѣ, покрытомъ матеріей, наставленъ цѣлый рядъ мѣдныхъ бурханчиковъ; замѣчательно что Б. водили по кумирнѣ слѣва направо, отъ главнаго бурхана, точно такъ же повели теперь и насъ. Къ намъ подошли еще нѣсколько ламъ, съ головами въ надѣтыхъ билиардныхъ шаровъ и съ красными плащами на плечахъ, которыми они иногда прикрывали и голову. Одинъ изъ нихъ, высокій старикъ, сталъ намъ толковать, тыча самымъ безцеремоннымъ образомъ лампадой бурханамъ въ физиономію. Онъ сожалѣнію, съ нами не было переводчика, и мы ничего не могли понять изъ его словъ. Отъ шкафа или кіота вдоль стѣны кумирни, стояли и сидѣли бурханы въ человѣческой ростъ, нѣкоторые и большіхъ размѣровъ; сначала три женскія фигуры, деревянныя или изъ лалѣе-маше, раскрашенныя красками и одѣтыя въ шелковыя платья. У одной была золотая корона на головѣ, другая держала корону въ рукахъ. Къ углу надѣло такое страшило, что мы чуть не ахнули, а ламы видя это, хохотали, тыкая страшилищу лампадой въ лицо. Бурханъ тотъ выкрашенъ черною краской, только на ужасномъ лицѣ однако выдаются бѣлки глазъ, подведенныя красною краской, толстыя красныя губы съ оскаленными зубами. Онъ сидѣлъ скрестивъ ноги калачомъ и поднося свои четыре или шесть рукъ, не помню, кверху. Отъ угла по продольной стѣнѣ

стояли какіе-то богатыри; одинъ, съ громаднымъ мечомъ и пестрой одеждѣ и съ цвѣтными перьями на головѣ, смотрѣлъ такъ свирѣло, выпучивъ бычачьи глаза и надувъ щеки, мы невольно засмѣялись и вспомнили австрійскую комедию: „надуй щеки, прими грозный видъ.“ Милѣ всего что мы хохотали вмѣстѣ съ нами. Послѣ страшныхъ и воинственныхъ боговъ пошли болѣе мирные, одинъ изъ нихъ, вѣроятно музыкантъ, съ развеселымъ лицомъ, держалъ въ рукѣ инструментъ въ родѣ балалайки. Перейдя черезъ кумирню къ протопленной ложной стѣнѣ, первый бурханъ бросившійся намъ въ глаза была опять сидящая женская фигура въ человѣческой одеждѣ, выкрашенная черною краскою; только губы, глаза и зубы были ли натурального цвѣта; въ рукѣ она держала опахало изъ павлиньихъ перьевъ и изъ за него улыбалась. Болѣе красивая, вызывающей улыбки и позы трудно вообразить. Остальные бурхановъ мы осмотрѣли вскользь чуть не бѣгавъ такъ какъ Ж. безпрестанно твердилъ: скорѣй, скорѣй!

Отрядъ пройдетъ; намъ тутъ однимъ оставаться нездорово. Жаль было уйти не осмотрѣвъ всего, но дѣлать нечего, торопили такъ, что я только успѣла замѣтить сидящую на скамеечкѣ ликана съ маленькимъ бурханомъ на рукѣ. Слѣва отъ скамеечки до средняго шкафа съ главнымъ бурханомъ, вся стѣна была обвѣшана до низу набита тючками.

Вышли мы изъ кумирни и стали садиться на лошадей. Очень занимало мое дамское сѣдло съ тремя рожками, хотя на этотъ разъ я была въ бешметѣ и чембарахъ и дѣлала по-мужски, но чтобъ удовлетворить ихъ любопытство, сѣла бокомъ. Должно-быть это имъ показалось очень странно, потому что они осматривали сѣдло и жарко что-то толковали между собою. Старикъ взялъ въ руки и мою вѣдную кожаную ботинку и очень внимательно разсматривалъ.

Мы раскланялись съ ними и отправились. Отрядъ дѣлалъ только вышелъ уже изъ селенія. По берегу рѣчки шла какъ куча куцера; въ полутьмѣ намъ видно только было что въ вые Таргауты снуютъ туда и сюда, какъ рой потревоженныхъ пчелъ. Ж. и Е. сказали что мѣшкать намъ нечего; я и сына на чумбуръ, чтобы не сбился, щелкнули по лошади и проскакали между этою сумятицей къ нашимъ. Оказалось что въ это время, по приказанію начальства, остановившись для отдыха и первыхъ переговоровъ съ Матеномъ, мы заняли за нашу цѣль всѣхъ вооруженныхъ. Войдя въ юрту

шли при свѣтѣ свѣчи, вставленной въ воткнутый въ зем-
штыкъ, Матена, сидящаго на коврѣ рядомъ съ генераломъ.
одной стороны наши офицеры А. и Б., съ другой—солон-
посрединѣ юрты, поджавъ ноги, сидѣлъ переводчикъ.
шли съ нашими, и я съ любопытствомъ разсматривала
гена. Полное, жирное, одутловатое лицо, съ широкими ску-
и острымъ подбородкомъ; большіе каріе глаза, длинный,
ый, прямой носъ, свѣсившійся надъ губой, ротъ гроши-
и никакихъ признаковъ бороды. Руки бѣлыя какъ у
го-нибудь моднаго проповѣдника. Разговаривая, Матенъ
ль совершенно неподвижно, только быстро обводилъ сво-
большими, не то испуганными, не то удивленными гла-
всѣхъ насъ, и снова уставлялъ ихъ на генерала, особен-
когда онъ говорилъ что-нибудь; въ рукахъ онъ вертѣлъ
ую-то травку и нервно подергивалъ и щипалъ ее. Насто-
переговоры шли о томъ чтобы Матенъ непременно вхалъ
усскую землю, какъ ему и приказано было Хебе-Амба-
е, такъ какъ неприлично для русскаго генерала приходитъ
говариваться къ нему. Матенъ упирался и не хотѣлъ
тъ, говоря что онъ боленъ, и теперь даже принимаетъ лѣ-
ство, и что единственно болѣзнь помѣшала ему пріѣхать
айсанъ. Особенно говорилъ солонскій чиновникъ съ си-
шарикомъ, такъ важничавшій и ломавшійся съ самаго
авленія нашего къ Матену. Онъ такъ и тарантилъ что
енъ не можетъ вхать, что не все ли равно и здѣсь мож-
говорить и т. д. Два раза передавали этому франту чтобъ
молчалъ и не мѣшался, но онъ не унимался. Нако-
начальство разсердилось и крикнуло ему: „джурь!“ то-
по-киргизски: „вонъ!“ „сгупай!“ и показало франту на
ь. Тотъ замолчалъ, но сидѣлъ презрительно посмѣиваясь.
а ему такъ крикнули „джурь“ съ такою свирѣлою физи-
ией что франтъ быстро вскочилъ и торопливо, но все же
возможности стараясь сохранить свое достоинство, вы-
ь. Матенъ услышалъ какъ крикнуло начальство, совсѣмъ
опѣлъ и бессмысленно уставивъ на него глаза, мялъ въ
ащихъ рукахъ травинку. Подали чай, Матенъ отказался,
я что боленъ и ничего не пьетъ. Переводчикъ В—въ,
жившій въ Китаѣ и хорошо знающій ихъ нравы, объ-
лъ что Матенъ боится чтобъ его не отравили.
шли ему передать что сына его отпустили, а что онъ
тъ четверть часа пойдетъ съ нами. Матенъ благодарилъ

за сына, но увѣрялъ что у него теплаго платья нѣтъ перь холодно. Предложили ему послать за платьемъ изъ оставленныхъ при немъ Таргаутовъ. Онъ опять заболень и принимаетъ лекарство. Переводчикъ и солонки новникъ со старушечьею физиономіей убѣждали его трыли что ему никакого зла не сдѣлають, что онъ гостеть. Онъ отвѣчалъ что просить русскаго генерала о здѣсь ночевать, что завтра приведуть отбарантованныя шадей, и чтобы Русскіе ничего не боялись. Ему отвѣтили бы на нашъ счетъ онъ успокоился, что Русскіе знаютъ данномъ случаѣ все его селенье подымуть на копы, онъ не ломался и фхалъ; а что если дѣло изъ-за теплаго ему дадутъ шубу. Съ этимъ словомъ было приказано виться къ отъезду, и мы вышли изъ юрты. Совсѣмъ холо, холодный вѣтеръ такъ и рвалъ. Пока мы путались дились на лошадей около дверей юрты, вышелъ изъ Матень, окруженный переводчиками, солонскими чиновни и Батобаемъ; его уговариваютъ сѣсть на лошадь, орается, наконецъ сѣлъ на землю какъ заупрямившій конокъ. Сидитъ на землѣ въ своей генеральской шалкѣ, безъ прежней генеральской важности, а окружающіе жають его уговаривать. Костя такъ и умираетъ со Наконецъ послышалась команда: „сидись!“ Тогда даже терпѣливый переводчикъ В—въ и тотъ порѣшилъ: „Б хочеть съ честью—надо съ безчестьемъ“. Подскочили слѣшили, одинъ удалецъ поднялъ генерала съ земли подши, и въ ту же минуту его подхватили и какъ куль на сѣдло. В—въ, видя что Матень натягиваетъ поводья, ворно шарить рукой около себя, догадался, и отнял ножъ. Тогда Матень принялся шпорить свою лошадь ясь пробиться, но его дали казаку на чумбуръ, окр двинулись. Темно было такъ что только въ нѣсколькихъ гахъ видно предъ собой. Отрядъ раздѣлили. Матень чукъ, оба на чумбурахъ, шли посрединѣ. Таргауты сновали около насъ и тѣснили. Матень сталъ прося лья ли ему послать къ своимъ, что ему необходимо редать чтобъ они не безпокоились. Ему позволили, ривъ что если на отряды сдѣлають нападеніе, или стрѣлять, — первая слетитъ его, Матенова, голова. О часъ затараторилъ что-то, и послалъ сопровождавшіи Таргаута къ своимъ, вѣроятно съ приказаніемъ не ш

не подвергать его драгоценную голову опасности. Таргауты продолжали снова кругомъ и особенно тѣснились около нашей кучки, гдѣ былъ Матенъ. Имъ велѣли передать чтобъ они отъѣзжали подальше, но такъ какъ они продолжали все также, имъ передали что будутъ стрѣлять, а пока стали отгонять нагайками налѣзавшихъ слишкомъ близко.

У меня одна была забота, Костя; даже и въ темнотѣ его, одного маленькаго, изъ всего отряда, и притомъ на бѣлой лошади, легко было отличить, и какому-нибудь Таргауту могло придти въ голову сѣрканить его и утащить въ горы взамѣнъ Матена.

Возьму его за чумбуръ, мальчикъ плачетъ и обижается, а одинъ, то въ сторону отобѣется, то отстанетъ: отъ усталости и холода совсѣмъ разкисъ. Наконецъ бурянь разогналъ тучи, и луна освѣтила нашу дорогу. Матенъ прихотничалъ какъ женщина; то позови ему Батабая и чтобы Батабай ѣхалъ рядомъ съ нимъ; пошлютъ ему Батабая, нельзя ли остановиться у ручья напиться воды и т. д. Часа въ два ночи мы пришли къ нашимъ юртамъ. Матена помѣстили въ юрту къ офицерамъ, вынеся оттуда предварительно все оружіе, кромѣ револьвера, лежащаго у С. подъ подушкой.

У Таргаутовъ, пріѣхавшихъ съ Матеномъ, тоже отобрали оружіе, и весь этотъ арсеналъ положили въ нашу юрту. Вооруженіе Таргаутовъ, какъ говорили знатоки, отличное.

На другое утро начались переговоры. Матену говорили что онъ дѣлаетъ дурно, позволяя своимъ грабить Русскихъ. Тотъ сначала упорно отрицалъ и увѣрялъ что грабятъ нашихъ Кызаи. Наконецъ онъ согласился на требованіе что за всякій грабежъ онъ будетъ отвѣчать, съ оговоркой только что кромѣ тѣхъ случаевъ которые могутъ быть въ сосѣднихъ округахъ Увана и Аредена, и что немедленно приведутъ отбарантованныхъ лошадей. Матенъ продолжалъ ластиться, то-есть изъ страху ничего не бралъ въ ротъ и все перебиралъ свои четки.

Наконецъ привели лошадей; тогда Табакъ, Батабай и солонскій чиновникъ-старушенка стали предъ нашимъ начальствомъ и начали слезное прошеніе, отпустить Матена, говоря что онъ теперъ уже на русской землѣ, лошадей отдалъ, обѣщавъ что больше грабить не будетъ, и что если Матена по ихъ просьбѣ отпустить, онъ ихъ обижать не будетъ; а иначе, только отрядъ уйдетъ въ Чеганъ-Обо, онъ станетъ имъ дѣлать

всевозможныя притѣсненія, а кочевки ихъ въ сосѣдствѣ. Писовѣтовались наши и рѣшили отпустить Матена; но Манчуга, какъ уличеннаго въ томъ что принималъ лично участіе въ грабежѣ противъ насъ, взять съ собой. Когда Матенъ объявилъ что его не поведутъ дальше, онъ такъ обрадовался, такъ униженно кланялся и говорилъ такія рабскія рѣчи, что еслибъ ему поставить условіемъ получить сто нагаекъ предъ отправленіемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ принялъ бы это условіе, не смущаясь ни мало своей генеральской шапкой.

Приняли лошадей, простились съ Матеномъ, то-есть начальство сказало ему на прощанье чтобъ онъ помнилъ что даромъ ему грабежи не пройдутъ, и выступили. Скверная погода, сильный холодный вѣтеръ и повременамъ дождь.

Черезъ нѣсколько времени насъ нагнали человекъ 50 Киргизовъ, вооруженныхъ назіями и айбаутами. Айбауты тегердовольно извѣстны, такъ какъ всѣ бывшіе въ Туркестанской области вывозили ихъ оттуда, — а назія это длинное, тонкое древко, на концѣ котораго вершковъ въ пять желѣзное остріе въ томъ мѣстѣ гдѣ остріе вдѣлано въ древко, большая кисть сдѣланная затѣмъ чтобы назія дальше въ человекъ не входила, и ударивъ, лезвіе можно было выдернуть изъ раны. Ландверы эти выѣхали затѣмъ чтобы помочь намъ въ случаѣ еслибы переговоры съ Матеномъ кончились не мирно и любовно.

На возвратномъ пути, какъ и обыкновенно, казаки пѣли есть у нихъ и про бараньяго героя пѣсня. Вообще въ пѣсняхъ своихъ казаки очень вѣрно и мѣтко выражаютъ свои чувства. Напримѣръ есть у нихъ одна въ которой они воспѣваютъ какъ они ходили на Балхомъ, переморили тамъ своихъ лошадей, натерпѣлись всевозможныхъ нуждъ, но это все бы ничего, главное имъ обидно, по словамъ пѣсни, что служили они за это время:

И не вѣдоша кому,
То не Богу, ни царю,
—ву подлецу!

Слыша какъ казаки поютъ, и Киргизовъ взяло соревнованіе; два молодыхъ Киргиза изъ вновь прибывшаго воинства поравнялись съ нами; и то глядя намъ въ глаза, то уставя другъ на друга, затаили тоже пѣсню; начинается одинъ речитативомъ, другой подхватываетъ, глядя пристально ему въ

ротъ, и каждый куллетъ оканчиваютъ гаммой изъ трехъ нотъ и потомъ октавой вверхъ, протягивая ее очень долго и во все горло.

Переводчикъ переводилъ намъ ихъ пѣнiе; они импровизовали что вотъ какъ хорошо мы идемъ вмѣстѣ,—потомъ различные пожеланiя дженаралу и его байбиче, и т. д. и т. д.

На Чегань-Обо погода поднялась такая что пришлось привязывать юрты арканами къ кольямъ, чтобъ ихъ не сорвало. Переночевавъ, на другое утро пошли Чиликтинской долиной къ Зайсану. Въ ущельѣ Кичкене-Тау набрали обрациковъ яшмы. Охотились на рябчиковъ, разумѣется кромѣ меня, и пришли на то мѣсто Уйдоне гдѣ алебастровыя залежи и подошли къ рѣкѣ. Мѣсто прелестное,—на берегу тололевая роща и всевозможный кустарникъ,—недалеко отсюда начинаютъ сходиться къ берегамъ Уйдоне темнокрасныя скалы; поднимаются все выше и выше и наконецъ сходятся совсѣмъ къ рѣкѣ, такъ что идешь, или скорѣй лѣпишься узенькой закраиной,—иногда приходится переходить на другую сторону; и окончателно закраина совсѣмъ пропадаетъ, и рѣчка, сжатая въ скалахъ, скрывается въ воротахъ, образовавшихся изъ подошедшихъ аршина на четыре другъ къ другу скалистыхъ стѣнъ, сажень въ полтораста вышиной.

Изъ Зайсанскаго поста мы выѣхали обратно 4го сентября. Наши провожатые едва-едва достали себѣ телѣжку, чтобы добраться до Кокпектовъ, и то снявъ передокъ изъ-подъ чужаго экипажа. Мы поѣхали въ тарантасѣ. Въ настоящее время дорога отъ Зайсана до Кокпектовъ далеко не представляетъ прежнихъ неудобствъ. Въ прошломъ году на этихъ трехстахъ верстахъ былъ всего одинъ пикетъ; лошадей хотѣ бывало выставлялось и много на назначенныхъ мѣстахъ, но лошади такого свойства что каждую тащитъ къ экипажу нѣсколько человекъ, повиснувъ у нея на холкѣ и ухахъ; пока хомутъ надѣнутъ, выходитъ цѣлое представленiе. Готово; запрыжены. Коренная стоитъ, разставивъ переднiя ноги и припрыкая изо всѣхъ силъ; пристяжныя въ хомутахъ, припрыкающыя, стоятъ мордами къ экипажу, на каждой лошади висятъ Киргизы; „айда!“ народъ отскакиваетъ въ отороны,—лошади бросаются какъ шальные,—коренная и переднiя уносныя несутъ, пристяжныя, увлекаемыя ими, сами попадаютъ въ постромки, но бьютъ и рвутъ въ стороны, съ боковъ скачутъ верховые и гикомъ и нагайками стараются поселить въ ре-

тивыхъ, но необузданныхъ коняхъ единодушiе, — и все это мчится, благо степь гладка и широка, — пока кони не изморяются. Случалось впрочемъ не мало и происшествiй. Въ одну прошлую осень разбили трехъ высокопоставленныхъ лицъ. Одному, опрокинувъ его вмѣстѣ съ тарантасомъ, отдавили ногу, — другому разбили тарантасъ въ дребезги, разбили начальника и такъ измолодили сопровождавшаго его казака что едва привели въ чувство; третiй, разставшись внезапно и непроизвольно съ своимъ тарантасомъ, нѣсколько сажень, повинуясь силѣ инерцiи, продолжалъ путешествiе по дресвѣ. Телереки на каждой перепряжкѣ есть мазанки въ двѣ комнаты, съ пестряками, — и лошади цивилизованныя, по крайней мѣрѣ большаго роста. Одна бѣда что на всемъ пространствѣ до послѣдняго пункта дурная вода. Дорогой изрѣдка встрѣчаются аулы, — у подножья Манрака виднѣются громадныя табуны лошадей, около дороги бродятъ стада верблюдовъ и барановъ. Справа, вдалеку синѣетъ полоской озеро Норъ-Зайсанъ, слѣва и позади обступаютъ равнину Сауръ, Тарбагатай и Манракъ. Мало-помалу горы исчезаютъ, и вѣдешь необозримой равниной поросшею травой, таволгой и караганникомъ. Въ солонцахъ цѣлыя стада дрофъ и полевыхъ рябчиковъ. Приходится переѣзжать двѣ рѣчки, Чаргу и Базарку, но надо вѣрить на-слово что тутъ текутъ рѣчки; чуть-чуть замѣтный спускъ, и вмѣсто чинаго колючаго караганника и чингиля, вы видите пространство поросшее хорошею травой, — это и есть рѣчка, то-есть рѣчка, которой она бываетъ раннею весной, потомъ нѣсколько времени толью, въ которой вязнуть проѣзжiе, и окончательно лѣтомъ превращается въ отличный лугъ, безъ всякаго признака воды. Верстъ за восемьдесятъ до Коклектовъ показывается Талагай, отдѣльная сопка, стоящая въ восемнадцати верстахъ отъ Коклектами и имѣющая совершенно правильную форму колокола; про нее есть легенда. Когда Русскiе принялись завоевывать этотъ край, тутъ жили богатыри, они рѣшили завалить Иртышъ скалой, чтобы поставить Русскимъ преграду. Взятая нести скалу одна семья, отецъ, мать и сынъ, давъ обѣтъ сохранять все время чистоту и безпорочность. Къ несчастiю они остановились одну ночь около аула невѣсты сына (киргизскiй женихъ пользуется правами мужа). Сынъ пошелъ на вѣстить невѣсту, и на другой день не могъ уже поднять своего угла скалы. Бились, бились бѣдные богатыри, такъ и бросили тутъ Талагай. Близъ него большая кварцевая скала,

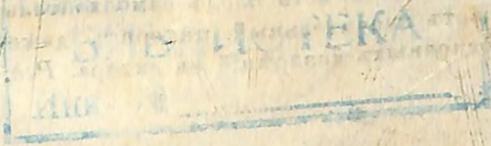
камень въ пять или шесть, и тутъ же недалеко большой кра-
внй камень,—это кровавыя слезы матери увлекшагося сы-
блая же кварцевая скала—молоко ея; такъ была она се-
съ отчаянія, въ грудь.

Городишко Коклекты похожъ на огромную корзину, такъ
къ онъ весь въ плетеныхъ изгородахъ. Но все же и онъ
аше нашей развалины, калѣки Семипалатинска, смотритъ
себѣ и нѣтъ песчаныхъ бурановъ. Въ Семипалатинскѣ съ
сны и до снѣгу мы дышемъ пескомъ, ѣдимъ и пьемъ съ пес-
мъ, въ комнатахъ все покрыто слоемъ песку, за то сколь-
и умирають здѣсь чахоткой.

Выѣхавъ изъ Коклектовъ и проѣхавъ Талагай и кварце-
ю скалу, въѣзжаешь въ Караджальское ущелье, знаменитое
мъ что здѣсь почти постоянно ужаснѣйшій буранъ. Зимой
целье такъ заваливаетъ снѣгомъ что по недѣлямъ нѣтъ со-
щенія съ Коклектами. Вся дорога между Усть-Каменогор-
комъ и Коклектами идетъ въ горахъ и покрыта аулами;
ольшинство изъ нихъ состоятъ не изъ юртъ, а мазанокъ
ли бревенчатыхъ избенокъ, безъ крышъ, окруженныхъ плете-
ыми изгородами. Много золотыхъ приисковъ, самый значи-
ельный Михайловскій, кулца Степанова. Тутъ мы переноче-
али и на другое утро смотрѣли работы и промывку золота.
о дорогѣ съ Михайловскаго прииска есть мѣсто замѣча-
ельное тѣмъ что всегда тутъ увидишь множество орловъ;
боятно тутъ ихъ гнѣзда.

Киргизы отлично дрессируютъ беркутовъ на волчью и лисью
охоту. Мы видѣли разъ эту охоту. Сначала чрезвычайно краси-
о и интересно, но финалъ отвратительный. Несчастную лисицу
же мертвую едва вырвали у двухъ беркутовъ поймавшихъ
я. Наконецъ 10го сентября мы вступили въ благодатный,
для лихорадокъ и чахотки, градъ Семипалатинскъ. Строилъ
то Нѣмецъ; привольно въ немъ жить только верблюду.

Ойротскии Музеи

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛІЯ

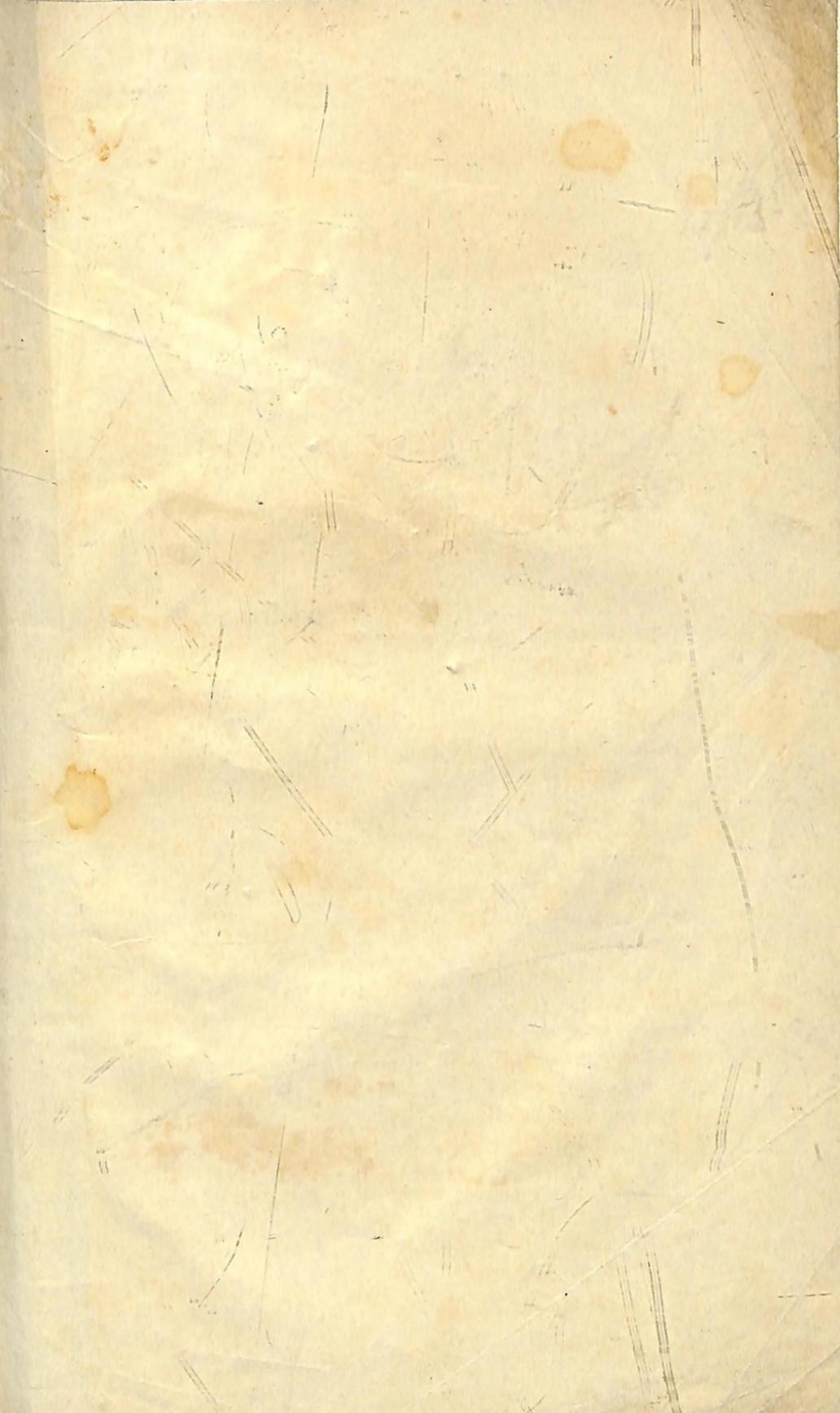
(1860 — 1871)

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ я присутствовалъ при освященіи королевства Италіи. Нынѣ я видѣлъ окончаніе этого дѣла, завершеніе зданія — Римъ сдѣлался столицей.

Эти два историческіе факта соединены съ лѣтописями Наполеоновской имперіи. Для начала этого событія необходимо было могущество Наполеона III, для окончанія онаго необходимо было его паденіе.

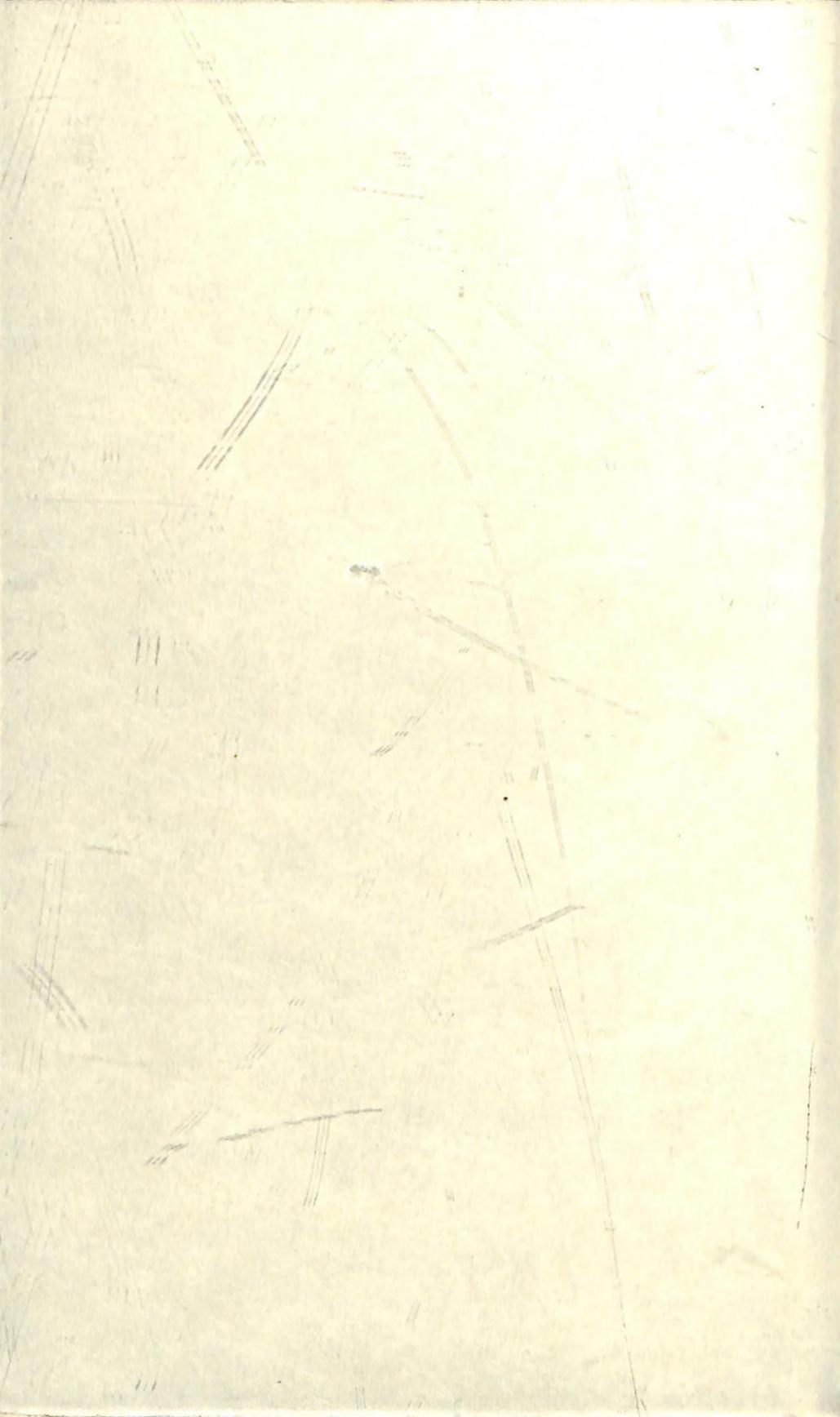
Я пишу не политическую статью, а только историческій очеркъ минувшихъ событій, хотя они и касаются современныхъ интересовъ. Наблюденія мои будутъ личныя и безпристрастныя, безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Мои многочисленныя цитаты заимствованы большею частію изъ источниковъ италіянскихъ, даже *italianissimi*, и вопросы о принципахъ которые я буду разсматривать отнюдь не чужды предмету этого очерка. Мое положеніе независимаго наблюдателя, не связаннаго никакою отвѣтственностію, даетъ мнѣ возможность представить настоящую оцѣнку событій безъ страсти, которую они могли бы внушить при другихъ обстоятельствахъ разныимъ лублицистамъ, изображавшимъ одну за другою фазы великой италіянской драмы.

* Статья эта, произведеніе лица хорошо извѣстнаго въ дипломатическомъ мірѣ, есть плодъ самостоятельныхъ наблюденій и представляетъ значительный интересъ даже для тѣхъ кто не разделяетъ основныхъ воззрѣній ея автора. Ред.

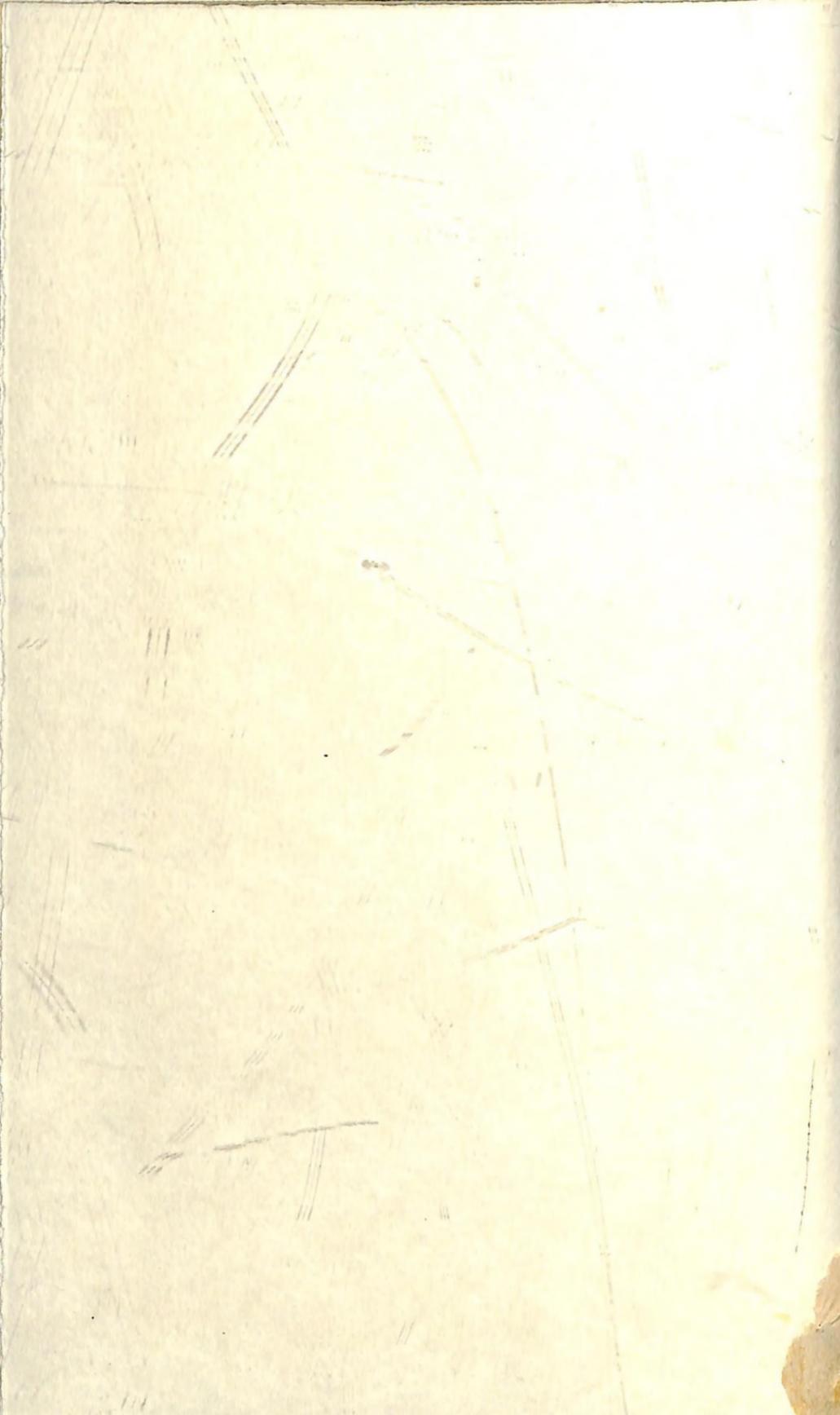

504

MMPA W/ 068218/221
PK 1242
AC 1194
PK 19819778

